

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Месть в конверте

Фридрих Евсеевич Незнанский

Месть в конверте

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169330
Месть в конверте: Олимп, АСТ; Москва; 2006
ISBN 5-17-035163-1, 5-7390-1827-7, 985-13-5624-7

Аннотация

В подъезде собственного дома погибает от взрыва генерал ФСБ. Несколько высших чинов прокуратуры и госбезопасности получают по почте конверты со взрывчаткой. Люди в смятении: теперь каждое письмо, приходящее в дом или кабинет, может нести смерть... Что означает эта серия преступлений? Чего хочет добиться таинственный взрывник? Кто он – благородный мститель, маньяк или хладнокровный террорист? Ответить на эти вопросы предстоит старшему помощнику генпрокурора Александру Борисовичу Турецкому и его команде.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	36
Глава четвертая	40
Глава пятая	44
Глава шестая	71
Глава седьмая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Пролог

В то хрупкое майское утро Лариса Евгеньевна Белянко проснулась раньше обычного. Что-то не ладилось у благополучной внешне и лишь слегка придавленной жизнью сорокалетней москвички. Что-то смутно томило ее, что-то беспокоило.

То ли это был Макс, ее друг – по-современному бойфренд, а по-старомодному – любовник. Макс был моложе ее на семь лет, играл на бас-гитаре в рок-группе, носил немислимую прическу и слыл человеком непредсказуемым и ненадежным во всех отношениях. Не исключено, что он ей изменял. Живя с ней вместе, в одной квартире, одной семьей, никогда не приносил денег, однако регулярно требовал обед. Одним словом, тот еще кадр. Но Лариса ничего не могла с собой поделать: она была не старой еще женщиной, и каждый раз, когда она видела своего Макса, какое-то жгучее волнение внутри ее хрупкого, гибкого тела заставляло ее забыть обо всем. Обо всем на свете...

То ли это была ее дочь Мария, семнадцати лет; может, это она беспокоила Ларису и лишала сна. Маша за последние год-два превратилась из гадкого утенка в гибкую – в маму – и очень соблазнительную девушку с пронзительными глазами; и вот теперь некий неопрятного вида юноша так и увивается вокруг нее... Спит она с ним или не спит? Наверняка спит!

Спросить, что ли? Так ведь пошлет она ее, свою мамашу, ко всем известным ей чертям, и будет права. А в последнее время что-то уж совсем молчаливая стала – как бы не залетела, дура малолетняя. Ой, чур меня, чур! Даже вслух произнести страшно.

То ли это был бывший муж – Святослав, программист, довольно прилично помогающий им деньгами, но периодически придумывающий какие-то безумные проекты, касающиеся их дочери, либо же вообще впадающий в истерику и грозящий снять с субсидии.

Так, в сумбуре утренних мыслей и тревог, Лариса начала собираться на работу. Она не знала, что волнения ее происходили из того, что смерть подошла к ней сегодня очень близко, так близко, как никогда раньше. Никто не знает своего часа, но именно сегодня шансы на то, что это нежное утро станет в ее жизни последним, были велики, как никогда. Впрочем, неведение по-своему блаженно...

Глава первая

Человек, впервые видящий Георгия Федоровича Жаворонкова, с большой долей уверенности мог бы предположить, что этот плотный, среднего роста, сдержанный и немногословный мужчина в возрасте «пятьдесят плюс», скорее всего, причастен к миру науки. Правильные черты лица, достойно дополняемые короткой стрижкой, в которой, однако, угадывалась укрощенная парикмахерским искусством потенциально буйная, лишь слегка тронутая отдельными серебристыми нитями шевелюра, внимательный и острый взгляд, очевидное умение сосредоточенно слушать собеседника определенно рисовали в воображении образ профессора университета, заведующего серьезной лабораторией, а то и директора крупного исследовательского института. Особую академичность облику Георгия Федоровича придавали очки в неброской, но явно дорогой оправе, которыми последние два-три года он вынужден был пользоваться во время чтения. Но ни профессором, ни доктором физико-математических наук, ни даже кандидатом искусствоведения Георгий Федорович не был, хотя и вращался всю свою профессиональную жизнь в научной среде и не только пропитался ее атмосферой, но и в значительной степени перенял характерные внешние черты своих подопечных. Генерал-майор Жаворонков заведовал Управлением координации научных

исследований в Департаменте науки и культуры центрального аппарата ФСБ.

Несмотря на высокий служебный чин, почти ничего кадрово-военного во внешности Георгия Федоровича не было, ну не прорезалась у него, хоть и рожденного в офицерской семье, та военная косточка, которая так естественно придает непринужденную бравость и щеголеватую молодцеватость истинному служаке. Впрочем, и сама служба не предполагала увлечения внешней атрибутикой. Великолепный мундир, надеваемый считанные разы в год, не стал, да и не мог стать, в силу редкости использования, естественной оболочкой, хотя он и обеспечивал Георгию Федоровичу более внушительный, по-настоящему генеральский вид, чем все его многочисленные и, как правило, дорогостоящие и качественные костюмы, привезенные преимущественно «из-за бугра». Должность предполагала нередкие заграничные поездки, да и с командировочными было не так скудно, как у простых смертных. И все-таки, все-таки...

Все-таки почему-то происходило так, что все костюмы Георгия Федоровича, в том числе и служебные мундиры, сидели на нем... ну не так чтобы неаккуратно или небрежно, а как-то... чуть-чуть не совсем точно, чуть-чуть... неправильно, что ли... Что поделаешь! Генерал был представителем той породы людей, которые не очень хорошо умеют носить вещи, даже самые фирменные и добротные. Это ведь тоже искусство! А оно либо заложено от рождения, либо воспиты-

вается в детско-юношеском возрасте. Но последнее, разумеется, предполагает наличие перед глазами достойных образцов, с которых можно было бы взять пример. А откуда они могли взяться в жизни провинциального мальчишки, обитателя военных городков? Смешно вспомнить, но лишь к последним курсам института будущий генерал окончательно отрезился от традиционной, в кругу его немногочисленных знакомых и приятелей, манеры своеобразно наводить блеск на, как правило, достаточно стоптанную и перекошенную обувь: сначала правый ботинок об левую брючину с обратной стороны, затем – наоборот.

Считается, что человеческая память сохраняет все увиденное, услышанное, воспринятое. Если это действительно так, то где-то в глубинах сознания Георгия хранилась практически вся география родной страны: одуряющие ароматы уссурийской тайги и жесткая сухость раскаленного воздуха среднеазиатских пустынь, обволакивающая мягкость прибалтийских туманов и сказочная феерия красок Крыма, озвученная рокотом вечного накатного движения бесконечных черноморских волн. Впрочем, Крым – это было нечто исключительно сиюминутное в круговерти служебных перемещений отца Георгия, простого капитана автодорожных войск. А что такое обычный армейский капитан без блата, без могучей «мохнатой» лапы? Тьфу на него – и только! Копейкин ему имя! И два-три месяца случайного крымского благоденствия с объективной закономерностью сменились

сдержанной и суровой красотой Северного Урала. Все правильно. И совершенно нечему удивляться. Это в годы войны вас, дорогие лейтенанты и капитаны, скромных, неприязнительных и героических до неправдоподобия, с открытой душой привечали в сева­сто­польской мясорубке, а в мирное время найдутся и другие, более достойные, кому, безусловно, более пристало служить Отчизне, охраняя благополучие и безопасность благословенного полуострова.

Отец. Статный, красивый, высокий. Ну не так чтобы очень высокий, но Георгию, чуть-чуть не дотянувшему до отцовского, в общем-то, нормального среднего роста, всегда не хватало для полного счастья этих самых четырех-пяти сантиметров. Фронтовик. Восемнадцатилетним мальчишкой добровольцем ушел в армию после первого курса авто­дорожного института. Как чрезвычайно образованная личность – средняя школа плюс год вуза – был направлен на офицерские курсы. Разумеется, «строгали» будущий младший командный состав стремительно и поверхностно, что по ситуации первых месяцев и даже лет войны вполне объяснимо. Армия несла жуткие потери, и хоть как-то, хоть кем-нибудь необходимо было затыкать эти дыры, нет, какие там дыры – провалы, кратеры! Но несмотря даже на эту сверхускоренную подготовку, к Сталинградскому апокалипсису младший лейтенант Федор Жаворонков не поспел. Уже был загружен эшелон, уже начали движение, но все-таки 2 февраля 1943 года – день победного завершения Сталинградской

битвы – наступило быстрее, чем свежесформированные воинские соединения успели преодолеть путь от Омска до Куйбышева, а посему после Куйбышева вместо Сталинградского направления эшелон с сибиряками был продвинут сразу же значительно западнее.

Таким образом, начать «кушать» настоящую войну в полном ее объеме новоиспеченному младшему лейтенанту довелось лишь под Курском. И было это «кушанье», несмотря на всю его героичность, патриотизм, упоение победным уже порывом, настолько полно горечи, боли и страданий, что отец даже спустя десятилетия терпеть не мог говорить о войне. На конкретные вопросы отвечал односложными «да» – «нет», чаще бурчал что-то невнятное, зажимался, замыкался в себе, мрачнел. И лишь одно воспоминание разглаживало жесткие складки на его лице, лишь одна тема побуждала его улыбнуться с теплом и нежностью: под Курском он встретил маму!

Женщина на войне. Образ, породивший бесчисленное количество легенд, в которых правда тесно переплетена с вымыслом, в которых трепетно-бережное отношение фронтовиков к своим боевым подругам затуманивалось грязью, пошлостью и сальной мутой. Было, было... Много было всякого и разного. И безумные атаки, в которые поднимала растерявшихся и на какое-то время даже оробевших от непрерывного одуряющего грохота и воя здоровенных мужиков скромная и застенчивая телефонистка, и неизвестно откуда

да берущаяся нечеловеческая сила, помогавшая хрупкой и щупленькой санитарке тащить на себе под непрерывным обстрелом выбитых надолго, а зачастую и навсегда, из нормального человеческого существования рослых, тяжеловесных и в совсем недавнем прошлом исключительно храбрых парней. Было. Все было... Был и простой прагматичный расчет, по которому выходило, что альянс с годящимся чуть ли не в деды подполковником не только гарантирует защищенность от посягательств всех его подчиненных, но и обеспечивает достаточно устроенное и даже вполне комфортное, по фронтовым понятиям разумеется, существование. Были и случайные, быстротечные связи без особой привязанности, были и расставания без малейших сожалений... Кто возьмет на себя смелость осуждать этих почти что смертников и смертниц, для которых вся оставшаяся жизнь, возможно, измерялась временем полета уже свистящей пули или омерзительным визгом рваного по краям куска металла? Вот то-то же!

Но случалось и по-другому. Случалось, что мимолетная фронтовая встреча становилась судьбой, самой сутью жизни, если, конечно, ей, этой жизни, предопределен был исключительный шанс: сохраниться и продлиться в счастливой послевоенной действительности.

Именно такая, почти невероятная, удача выпала на долю лейтенанта Федора Жаворонкова, самолично взявшегося доставить на передовую направленную из штаба дивизии для,

так сказать, поддержания морального духа бойцов концертную бригаду. Хороша была эта бригада или не очень – какое это имело значение? Потому что с той минуты, как на импровизированную сцену – ну да, откинутае бортовые перекрытия кузова ленд-лизовского «студебекера» – вышла она, Верочка Сотникова, в мозгу лейтенанта Жаворонкова что-то вспыхнуло, сверкнуло, взорвалось.

Как она пела! Боже, как она пела! Разумеется, в голосе ее не было правильности и «поставленности» серьезной вокальной школы. Какая уж тут школа: война! Но искренность, насыщенность, глубина!.. Даже изредка прорывающаяся естественная хрипотца оказывалась необыкновенно органичной и «работала» на создаваемый образ. Значительно позже лейтенанту Жаворонкову довелось узнать, что эта природная выразительность, скорее всего, досталась Верочке в наследство от той самой гордой, самолюбивой и бравировавшей собственной независимостью прапрапрабабки, сбежавшей в свое время из кочевой вольницы цыганского табора с лихим и бравым гусарским корнетом.

Федор и сам был не лишен изрядной артистичности, да и по части «спевания» многим и многим мог дать солидную фору. Ничего удивительного. Ведь голосистый и несомненно музыкально одаренный парень, сибиряк всего лишь в третьем поколении, Федор был внуком обладателя роскошного баса Миколы Жаворонка, перебравшегося в Сибирь с благодатной Украины в конце теперь уже позапрошлого века;

строющаяся Транссибирская магистраль требовала огромного количества рабочих рук, все, и малые и старые, оказались при деле, да и заработки были несравнимы с теми, на которые можно было рассчитывать на Украине. Но что значили собственные вокальные возможности юного лейтенанта по сравнению с тем колдовством, которое нес в себе голос Верочки! Никакие сравнения и сопоставления тут были не то что неуместны, а просто смешны!

Потом была ночь, волшебная ночь, которую они провели сидя на берегу малюсенькой речушки, была луна, бегущая сквозь листву прибрежных деревьев... Разумеется, в деталях подробности этой первой любовной ночи генерал-майору Жаворонкову были неизвестны, вернее, известны лишь в официальной версии. А она гласила, что разговорам не было конца. Они говорили о любимых книгах, фильмах, актерах, буквально обо всем на свете, читали на память любимые стихи... Ночь летела к своему исходу, тени деревьев становились гуще и длиннее. Собственно, у лейтенанта Жаворонкова, к которому его подчиненные относились с большой симпатией и уважением, всячески стараясь обеспечить его мыслимыми удобствами, не было проблемы пригласить приглянувшуюся девушку в свою персональную и вполне достойно оборудованную землянку, что позволило бы им... Ну ясно что. Возможно, так оно и было. Но генерал-майор, как добропорядочный сын, предпочитал придерживаться сложившейся романтической интерпретации: ночь, луна,

стихи. А все остальное произошло уже значительно позднее, в маленьком поселочке под Уссурийском, где и был зарегистрирован законный брак старшего лейтенанта Федора Жаворонкова и организаторши небывалого для местного клуба начинания – театрального кружка – Веры Сотниковой и где спустя положенный природой срок соизволил появиться на свет будущий высокопоставленный чин Федеральной службы безопасности.

Что же, и на такие чудеса была гораздо завершившаяся великая война. Разбросавшая по огромной стране и по многим государствам разоренной Европы, по тюрьмам и лагерям необъятной державы и по далеким континентам благополучнейшие и крепчайшие семьи, безвозвратно разрубившая прочнейшие узы, к кому-то она оказывалась снисходительно великодушной. Тончайшая ниточка, протянувшаяся от мимолетной фронтовой встречи через десятиминутное свидание на захламленном ночном перроне Горького-Сортировочного, когда часть Федора Жаворонкова перебрасывалась из-под Вены, где ему довелось отпраздновать Победу, на Дальний Восток, не только не потерялась, не оборвалась, но, обретя необыкновенную прочность, уверенно повела за собой молодых влюбленных.

Кстати о Вене. Увидеть город Моцарта, Шуберта, Штрауса, а также еще многих и многих великих и неповторимых солдату-освободителю Федору Жаворонкову так и не удалось. Рабочие пригороды, аккуратные, но достаточно серые

и безликие, близлежащие городки, сохранившие, несмотря на прошедшую через них войну, уютность и даже своего рода благостность, и... все. Значительно более успешным «туристом» оказался в будущем сын лейтенанта Жаворонкова, сотрудник всемогущего Комитета. Он не только неоднократно и подолгу бывал в австрийской столице, но и, если можно так охарактеризовать чувства правоверного и по служебным обязанностям, и по естественной внутренней потребности советского патриота, очень даже любил Вену, этот своего рода символ буржуазной сытости, благополучия и богатства. Конечно, в далеком опереточном прошлом остались знаменитые легкость, грациозность, изящество, непринужденность, символизировавшие истинную «венскость». Город оброс жирком, набрался фанаберии, не стеснялся продемонстрировать чужакам свое высокомерие, где-то даже гордился своим снобизмом. И все-таки Вена, Вена, Вена... И в каждый свой приезд современный чекист Георгий Жаворонков непременно посещал Шванцербергплац, внимательно и неравнодушно вглядывался в черты советского воина-освободителя. Георгию Федоровичу временами казалось, вернее, очень хотелось бы в это верить, что монумент в Вене более искренен и человечен, чем аналогичное сооружение в берлинском Трептов-парке, что в чертах лица вознесшегося над Веной русского солдата, соседствующего с выхолощенными и непроницаемыми масками императоров Габсбургской династии, запечатлено нечто неуловимо, но выразительно пе-

редающее облик его отца, юного победоносного лейтенанта.

А между тем эшелон с ниспровергателями тысячелетнего Третьего рейха мчался на восток, туда, откуда является Восходящее Солнце, туда, где прошедшим пол-Европы и одуревшим от ее сильно поколебленного, но не уничтоженного до конца духа многовековой упорядочности и самоуважения советским парням предстояла встреча с бесстрастными, хладнокровными и самоотверженными воинами Великого Микадо. И... вновь, как это уже было два с лишним года назад в ситуации со Сталинградом, Федор Жаворонков опоздал. О разгроме Квантунской армии, о капитуляции Японии они услышали, находясь еще в районе Байкала. Было ли это невезением или, наоборот, великим и щедрым подарком судьбы?.. Скорее второе. Ведь как-никак, но два полновесных года, проведенных на самой что ни на есть настоящей передовой, многочисленные ситуации, которые иначе чем адски-смертоносным пеклом и назвать нельзя – и... ни одного, даже мало-мальски серьезного, ранения. Фантастическая, невероятная удача! Несколько мизерных царапин от расщепленных пулями дверных переплетов, осколки витринного стекла, не столько порезавшие руку, сколько в ключья разодравшие, увы, лишь второй день носимую новенькую гимнастерку (так и пришлось завершать войну в сплошных заплатах), легкая контузия. Все! Тогда как в шаге, двух, трех от него гибли, гибли и гибли, без счета и без скидок на прошлые заслуги и подвиги.

Как и многим молодым, потенциально перспективным офицерам, прошедшим через горнило военного лихолетья и не демобилизованным в общем порядке в первые послевоенные месяцы, Федору Жаворонкову предложили продолжить военную службу. И он без особых сомнений и раздумий принял это предложение. Не то чтобы армейская служба казалась ему таким уж привлекательным и радужным будущим, но и таинственная и загадочная «гражданка» с ее непредсказуемостью и с необходимостью принимать какие-то самостоятельные решения для человека, фактически со школьной скамьи шагнувшего в армейскую реальность, рисовалась чем-то абстрактно-отвлеченным и даже до определенной степени пугающим. Здесь же все было знакомым, понятным, вызывало ощущение какой-никакой, но все же уверенности, ясности, определенности. Да и жесткие строгости и ограничения военного времени, несомненно, стали смягчаться. А это значило, что Вера, Верочка...

И Верочка, решительно отринув всю свою прошлую – до Федора – биографию, примчалась к нему на Дальний Восток, бывший для нее, никогда прежде не пересекавшей Уральский хребет, чем-то нереально далеким, сказочно привлекательным, возбуждающей воображение и фантазию «terra incognita» первопроходцев, следопытов, исследователей. «Мчаться», правда, пришлось почти три недели, стараясь по мере возможности, избегать общения с комендантскими патрулями, а уж если уклониться от подобных встреч

не представлялось никакой возможности – в ход пускались молодость, красота, обаяние и артистичность. И, как правило, всегда удавалось почти убедительно объяснить, почему не оформлены должным образом проездные документы для следования через всю страну «к мужу» («муж», разумеется, возводился в чин не менее чем полковника; на всякий случай, так надежнее, а то ведь эти комендантские вахлаки тут же попытаются, так сказать, воспользоваться ситуацией. Полковник же, хоть и находящийся за тысячи верст... Черт его знает, кто он такой, каковы его полномочия и возможности!.. Скорее всего, дамочка врет, но на всякий случай лучше не связываться. Что, позаигрывать больше не с кем, что ли? Хотя бы вон с той, чернявенькой, из шестого вагона). Впрочем, если честно, особых прецедентов по дороге и не было. Ну едет себе красивая женщина к мужу, к любимому, к кому-то там вообще неизвестному... А может, и просто ни к кому определенному, а по каким-то своим таинственным женским делам... И пусть себе едет на здоровье! Ведь война-то закончилась. Война закончилась! **ВОЙНА! ЗАКОНЧИЛАСЬ!** Впереди – жизнь! Красивая, яркая, полновесная!

Глава вторая

Война закончилась. И потянулась, потекла, полетела, помчалась послевоенная мирно-армейская жизнь простой офицерской семьи. Случались, конечно же случались яркие, праздничные всплески каких-то неординарных событий. Молодость, энергия, энтузиазм бурлили и с радостью откликались на малейшие отклонения от рутинного однообразия повседневности. Но в целом, честно говоря, существование было достаточно серым и скудным. Весьма скромные заработки, неизменная и с каждым годом все более и более гнетущая бытовая неустроенность, вечные чемоданы, коробки, узлы, распаханные по углам списанных казенных шкафов, постоянная, ставшая привычной и обыденной готовность срываться с чуть-чуть было насиженного места и перемещаться за тысячи километров в такой же неухоженный, неприветливый и абсолютно чужой на первых порах угол.

Нет, явно не задалась у Федора Жаворонкова военная карьера. Обаятельный, общительный, с несомненными лидерскими задатками, позволявшими легко и непринужденно стать душой любой компании, ценимый и уважаемый сослуживцами и подчиненными, Федор так и не сумел выработать верный тон при общении с вышестоящим начальством. Излишне прямой и откровенный, с абсолютным неумением, а вернее, нежеланием преданно и подобострастно поддаки-

вать руководящим благоглупостям – если по его убеждениям это действительно были глупости, – капитан Жаворонков был неудобен, а следовательно, и не нужен своему командованию. Отсюда и многочисленные перемещения, отсюда и мучительное, необыкновенно долго ожидаемое перерастание капитанских звездочек в звезду майора, чин, который и стал вершиной служебного продвижения Федора Жаворонкова. Разумеется, ни в какой институт после войны он не вернулся. Куда там! Не до учебы было: служба, семья.

Увы, не удалось и Верочке Жаворонковой реализовать в должной мере свое несомненное артистическое начало. Ее театральная студия, практически в полном составе «перестроенная» во время войны в концертные бригады, так и не восстановилась после Победы, а если бы даже и возобновила свою деятельность – смешно, не будешь же ездить учиться с Дальнего Востока в среднюю Россию! Ну а о том, чтобы поискать иную возможность постигать театральное ремесло, даже и мысли не возникало. Опять же: семья, быт, работа. Работы бывали самые разные: Верочка служила и секретаршей, и библиотекарем, и даже кастеляншей. Но при малейшей возможности, если только поблизости существовал какой-нибудь клуб или Дом культуры, разыгрывала творческая натура, и Верочка буквально на глазах расцветала в родной и любимой атмосфере. Ей приходилось руководить литературными секциями и вокальными кружками, преподавать игру на гитаре и аккордеоне. Но истинное сча-

стье наступало тогда, когда удавалось организовать театральную студию, что-то ставить, инсценировать, соорудить из подручного хлама оформление сцены, расписывать немудреные декорации. Постепенно таких начинаний становилось все больше и больше, нарабатывался опыт, методом проб и ошибок компенсировался недостаток образования. А когда один из ее литературно-сценических монтажей был отмечен на республиканском смотре детского творчества в Сыктывкаре, Вера Александровна Жаворонкова стала признанным специалистом в своем деле, ну, разумеется, на достаточно скромном провинциальном уровне – и тем не менее...

Заработки, к сожалению, были мизерными, но и лишними в бюджете офицерской семьи не являлись.

По мере сил и возможностей Верочка старалась, конечно, как-то обустроить семейный быт. Но это было очень непросто. Извечный кочевой образ жизни, отсутствие зачастую элементарных житейских удобств, более чем умеренные финансовые возможности... Да и, честно говоря, особо умелой и рачительной хозяйкой Веру Александровну никак нельзя было назвать. Ну не лежала у нее душа к кухонным радостям! И хотя нет-нет да и удавалось ей порадовать своих мужиков великолепным обедом – вдруг снова взыгрывала бацилла богомности, размеренная семейная повседневность отступала перед очарованием волшебных слов «репетиция», «спевка», «прогон», и мужички (а их было уже трое, через два с половиной года после Георгия родился озорной,

горластый и неукротимый Лешка) вынуждены были довольствоваться огромной кастрюлей вермишели (ладно еще, если чем-то заправленной, а то и просто так, в «холостом», так сказать, виде) или наскоро сварганенной картошкой.

Так и жили. Отец – на службе, мать – «в театре», с детьми – бесконечно чередующиеся и меняющиеся студийцы и студийки, многим из которых самим еще не помешали бы няньки.

С Георгием особых проблем не возникало. Он часами мог заниматься какими-то своими делами, углубленно обдумывать одному ему понятные и существенные для него вопросы, ну а уж научившись читать, и вообще перестал «доставать» собой окружающих. Иное дело – Лешка, активный, заводной, неугомонный, что называется «с шилом в одном месте»... Чего только с ним не происходило! Вечные синяки, шишки, никогда не заживающие коленки и локти, ржавые железяки, на которые он обязательно наступал, бесконечные стекла, которыми он резался с завидной регулярностью... «Апофеозом» его младенческих подвигов стал вспыхнувший на нем от пламени свечи – электричество отключали по три-четыре раза за вечер, свечи и спички всегда держались под рукой – шерстяной с начесом костюмчик. К счастью, именно в тот момент Вера Александровна оказалась дома.

Время шло. Промелькнуло несколько школ, ничем, впрочем, не запомнившихся Георгию. Даже последовательность

географических названий не отпечаталась в памяти. Еще чуть-чуть – и вот уже и Лешка – школьник, а Георгий соответственно старший и во многом отныне ответственный за эту «соплю» брат. Именно тогда-то наконец и свершилось! Свершилось нечто столь желанное и долгожданное, что в реальность этого великого события давно уже перестали верить. Майор Жаворонков получил в небольшом и симпатичном украинском городке, название которого еще не стало в то время всемирно известным синонимом катастрофы, ужаса и разрушения, благоустроенную двухкомнатную квартиру. Двадцать семь квадратных метров с изолированной кухонькой, с собственным – здесь, в квартире, а не за углом – туалетом и с ванной, ванной, ванной!.. Это было счастье! Это был взлет в вершины, где обитают успешные, благополучные и благоустроенные люди. Даже неуправляемый Лешка и тот, кажется, на какое-то время приутих, проникнувшись величием и грандиозностью происшедшего. Еще бы! Ведь отныне он не обычный, заурядный второклашка, а образцовый советский школьник, из тех, о которых пишут в книжках и которые, разумеется, живут в собственных изолированных квартирах.

Но как часто это и происходит в жизни, радостное и разочаровывающее следуют рука об руку. Подоспел срок очередной, рутинной, в общем-то, медкомиссии – и у майора Федора Александровича Жаворонкова обнаружили целую «обойму» не наблюдавшихся ранее отклонений: тут тебе и внезап-

ное ухудшение зрения, и сердечная аритмия, и прыгающее давление, и еще, и еще, и еще... Что? Чего? Почему? Может быть, именно так и в такой форме аукнулась давно забытая и всегда считавшаяся совершенно незначительной контузия военных лет? А иначе откуда бы взяться всем этим «прелестям» у здорового, в общем-то, и не достигшего еще сорокалетнего возраста мужика? Эмоции – эмоциями, а в практической действительности – отставка, пенсия, почетные грамоты, вот этого добра – сколько угодно, полстены можно обвешать! О подполковничьих погонах, разумеется, забыто навсегда, хорошо, хоть квартиру вовремя получил, теперь уже не отнимут!

Впрочем, насколько это помнилось Георгию, отец не очень сокрушался по поводу завершения своей службы. Потерял он уже, вероятно, все надежды добиться чего-то путного на военном поприще. А тут еще и работа приличная на «гражданке» подвернулась. Чем именно занимался Федор Александрович, какова была его должность, Георгий в свое время не поинтересовался, ну а позже, когда все быльем поросло, и тем более не было повода поминать минувшее. Известно было только, что трудился Федор Александрович не последним человеком на каком-то автокомбинате или в автоколонне. Специалистом он был, по-видимому, очень хорошим и дело свое, безусловно, любил, что, совершенно очевидно, начальством было отмечено и оценено. Много или мало получал за свои труды Федор Александрович – в семье

не обсуждалось, а если и обсуждалось, то не в присутствии детей. Но несомненным фактом стало то, что жить они стали значительно крепче – тут никаких вопросов не возникало. В квартире стала появляться мебель: роскошный полированный шкаф, который даже имел собственное имя – шкаф «Из гарнитура», полированный же обеденный стол (Лешка, разумеется, тут же его обляпал какой-то дрянью, и большущий кусок полировки «полез»), стол навсегда пришлось накрыть скатертью), Вера Александровна нет-нет да и демонстрировала, с очевидным удовольствием, надо сказать, новые наряды, у отца появилось два – два! – новых костюма. Ну и пацанам, разумеется, регулярно что-нибудь перепало. Seriously начали поговаривать о такой роскоши, как покупка телевизора! Жизнь налаживалась!

В июле приезжали в гости родственники из Сталинграда: дядя Сережа, тетя Оля и их сын Валерка. Ну родственниками они были в лучшем случае «пятиюродными», но разве так уж важна формальная степень родства, если с первых же минут общения люди становятся близкими друзьями, желанными собеседниками, понятными, доступными и необыкновенно приятными друг другу! Да и родственность, хоть и очень далекая, тоже, конечно, играла свою роль. Для Жаворонковых, давным-давно растерявших все контакты со своими родными, новообретенное ощущение своей «неодинокости» в мире стало, несомненно, явлением положительным и очень даже приятным. Слышал, правда, что-то смутное Георгий о

старшем брате отца, Семене, с которым Федор насмерть перессорился еще в ранней юности и навсегда прервал все отношения. Но одно дело – туманные слухи и легенды, а совсем другое – реальные, во плоти дядя Сережа и тетя Оля, молодые, веселые, заводные, такие же, как отец и мать. И сын их – Валерка – отличный парень! И что интересно, он не только по возрасту приходился точно посередине между Георгием и Лешкой, но и по характеру являлся чем-то средним между ними, что позволило мальчишкам быстро и крепко подружиться, более того, Валерке, можно сказать, даже удалось как-то больше сблизить между собой таких различных и непохожих одного на другого родных братьев.

Ну а мама-то, мама! Практически не выходила из кухни (в компании с тетей Олей, разумеется) и каждый день демонстрировала небывалые кулинарные чудеса! Справедливости ради надо заметить, что мама и вообще в последнее время, с момента обретения своей, настоящей кухни, проводила на ней значительно больше времени, чем это было ранее. Постоянно появлялись какие-то особенные кастрюльки, сковородки, всяческие хитроумные прилады, вообще недоступные пониманию Георгия... И мама явно наслаждалась этими новоявленными удобствами, что-то там с удовольствием крутила, вертела, сочиняла... Результаты были – блеск! Пальчики оближешь и проглотишь! И хотя Вера Александровна с меньшим, чем обычно, энтузиазмом отдавалась своей работе, более того, постоянно повторяла, что ее ны-

нешняя театральная студия ни в какое сравнение не идет с предыдущими, что таких талантливых и увлеченных ребят у нее еще никогда не было, новое отношение к кухонному времяпровождению было налицо: обеды стали и обильнее, и разнообразнее. Ну а уж во время пребывания сталинградских родственников каждая трапеза превращалась в настоящий праздник. По вечерам заводили радиолу – вожделенный телевизор существовал пока еще только в проекте – и танцевали. Блестяще танцевали! И папа с мамой, и дядя Сережа с тетей Олей. Танго, фокстрот, вальс... Места для танцев, особенно для вальса, было не так уж много, но как-то все умещались. Иногда заходили немногочисленные знакомые, присоединялись. Мальчишки крутились и путались под ногами, верещали там что-то свое... А иногда мамы подхватывали их в качестве кавалеров и заставляли кружиться и вертеться в каких-то псевдотанцах. И не только Лешка и Валерка, которым только дай побузить, но и степенный и рассудительный Георгий что-то там тоже «выкренделевывал» ногами, как бы тоже танцуя, ну или хотя бы делая вид, что танцует. (Кстати говоря, генерал-майор Жаворонков так и остался на всю жизнь еще тем танцором! Никакие спецзанятия не помогли!) А тем далеким летом это все было ужасно весело, шумно, заводно, да просто здорово!

Но визит сталинградцев оказался не просто дружественно-родственной встречей; он повлек за собой последствия, кардинальным образом изменившие всю жизнь семьи Жаво-

ронковых. Сергей Суровцев, дядя Сережа, оказавшийся, так же как и Федор Жаворонков, причастным к каким-то автомобильным делам, более того, занимавший в этом автомире относительно заметную руководящую должность, с первых же дней стал выступать «демоном-искусителем». «Ребятки, ваш Чернобыль конечно же очаровательное местечко, тихое, красивое, уютное... Ну а дальше что? Ну вот подрастут дети – и куда им деваться? Каковы перспективы? Где учиться? Что ж, в сопливые семнадцать-восемнадцать лет уезжать из дома, из семьи? Куда? Зачем? А вы представляете себе, что такое Сталинград, город, известный, да нет, не просто известный, а знаменитый во всем мире! Вы представляете себе размах, мощь этого города? Вы представляете себе, чего стоило за считанные годы на полных руинах, на развалинах, которые значительно тяжелее обжить, чем просто ровное и пустое место, возродить огромный город. И не просто город, а город-красавец, город будущего, можно сказать. Он уже и сегодня почище иных столиц будет! А во что мы – сталинградцы – превратим его еще лет за десять – пятнадцать! Аж дух захватывает! Переезжайте! Квартиру обменяем, с работой, и с хорошей работой, не хуже твоей здешней, слава богу, на сегодняшний день имею возможность помочь, и зарплата будет посOLIDнее, чем твоя нынешняя, не сомневайся! Будем рядом, будем поддерживать друг друга!» В ту же дуду дудела и тетя Оля: «Верка, ты посмотри, как пацаны-то сдружились! Ну роднее уже, кажется, некуда! Будем жить,

как одна семья! А в смысле твоей работы – так в Сталинграде этих Дворцов культуры – неслыхано! Театры, филармония, радио, телестудия уже своя открылась, каждый день вещает!» Разговоры эти велись при мальчишках, никто ничего не скрывал, да и не было в этих завлекательных предложениях ничего секретно-крамольного. Георгий хорошо помнил, что если в первые день-два отец просто усмехался и, в общем-то, отмахивался, то позднее в его отношении к подобным разговорам что-то неуловимо изменилось, что-то зацепило его, начало вызывать ответную и, по-видимому, весьма заинтересованную реакцию. (Возможно, до сих пор для майора в отставке Федора Жаворонкова само это имя – «Сталинград» – название города, куда не поспел в далеком 43-м году младший лейтенант Жаворонков, было связано с какими-то глубинными, подсознательными процессами, может быть даже, с какой-то внутренней неудовлетворенностью, незавершенностью чего-то, что было в определенный период жизни очень значительным и важным. Кто поймет, кто оценит, кто объяснит?..

Гости уехали. А идея переезда осталась. И обретала все более и более конкретные и осязаемые очертания. Неоднократно Георгий, уже в полусне, слышал едва приглушенные хлипкой дверью на кухню перешептывания отца с матерью все на ту же тему.

Боже упаси! Он не собирался и не хотел ничего подслушивать, более того, считал подобное занятие весьма зазор-

ным и недопустимым. (Позднее, правда, профессиональные наставники объяснили начинающему сотруднику КГБ, что в подслушивании и подсматривании нет ничего предосудительного, наоборот, при разумном использовании этих элементарных, но столь необходимых и эффективных средств наблюдения и сбора информации можно достичь весьма интересных и идущих на пользу «делу» результатов.) В ранней юности он, разумеется, еще не знал этих основополагающих шпионских постулатов. Просто звукоизоляция в хрущевских малогабаритках предполагала лишь один надежный способ исключения возможного прослушивания: полное молчание.

Замысел, безусловно, развивался. С Георгием, по причине его малолетства, пока еще, разумеется, никто не советовался; тем не менее он прекрасно понимал, что за этими раздумьями стоит нечто более глубокое и значительное, чем лихие дяди-Сережины вопли: «Федька, ну рыбалка у вас тут, конечно, ничего, жить можно. Но ты представь себе, что такое Волга! Да ведь если тихонечко и разумно, да с нужными людьми законтачить – парочка икрыных осетров за ночь – нет проблем! А охота! По степи! На „газиках“ с прожекторами! А сайгаки перед тобой – несметными стадами! И целиться не надо! Лупи себе – и все дела!» Георгий знал, что отец не был рыбаком-фанатом, так, в полудреме подержать перед собой удочку – куда ни шло, да и то больше не для собственного удовольствия, а как бы пообщаться с сыновьями

на почве «мужских» развлечений. Охота же, с ее ярко выраженным привкусом убийства, была для отца и вообще чем-то чуждым. Тема убийства в семье Жаворонковых являлась запретной. Разумеется, Георгий понимал, что его отцу, воину-фронтовику, безусловно приходилось в его боевой жизни убивать, вполне возможно, что и многократно. Но это же было нечто принципиально другое! Война, фронт, враги... Или ты их, или они тебя. А лупить не целясь по каким-то безответным и беззащитным животным... Нет, не могло заинтересовать отца подобное «развлечение»!

Через месяц-полтора от дяди Сережи пришла телеграмма: «Приезжайте, есть вариант обмена». Ну мама, разумеется, даже на очень короткий срок не рискнула оставить своих «архаровцев» одних, а отцу пришлось быстренько договариваться на работе об отпуске за свой счет, и через несколько дней он укатил в Киев, а оттуда самолетом отправился в Сталинград.

Вернулся очень довольный: и город невероятно понравился, и квартира, которую подыскал для обмена энергичный и деятельный Сергей, вполне устроила бы: почти точная копия их собственной, а по документам – так даже на пару метров больше, не в центре, правда, но и не очень далеко; перспективы с работой тоже рисовались вполне благополучными. Решение, можно сказать, было принято и даже широко обнародовано (разумеется, прежде всего стараниями Лешки, на всех углах, всем и каждому спешившему сообщить:

«А вы знаете что? Мы уезжаем! В Сталинград! Насовсем!»). Дело было за малым – за согласием обменщиков, которые вот-вот должны были приехать «на смотрины».

И вдруг в одно прекрасное утро и по радио, и в газетах одновременно, разумеется, грянуло: «Президиум Верховного Совета СССР, по многочисленным просьбам трудящихся, постановил...» И – все. Был Сталинград – и не стало его. Ерунда, в сущности. Сам-то город не изменился, остался все тем же, ну обрел какое-то странное и безликое название... Но отца это переименование почему-то сильно взволновало: «Ну уж извините, жить в прославленном городе-герое – одно дело, а переезжать в какой-то Волго-Реченск-Ручеек я не собираюсь!»

Неожиданная и удивительная реакция. Даже спустя многие годы внезапное «бунтарство» отца осталось для Георгия загадкой. Сказать, что Федор Жаворонков был каким-то уж там особым «сталинистом», никак нельзя. Во всяком случае, в отличие от многих воинов-фронтовиков, впитавших в плоть и кровь девиз: «За Родину! За Сталина!» и с ненавистью встретивших развернувшуюся кампанию «по преодолению последствий культа личности», отец воспринимал происходящее довольно спокойно, не выказывая ни подчеркнутого одобрения, ни какого-либо осуждения. Разве что изредка, при очередном безумном выкрутасе «дорогого и любимого Никиты Сергеевича», майор Жаворонков позволял себе как-то по-особенному скривиться и ухмыльнуться. Но вслух

ничего не произносилось. И вообще политические вопросы в семье не принято было обсуждать; само собой подразумевалось, что все, исходящее от партии, – разумно, необходимо и справедливо. Поэтому когда однажды дядя Сережа (и снова этот дядя Сережа, вечный балагур, баламут и бузотер!) за столом и находясь уже в приличном подпитии провозгласил тост «за приближающийся коммунизм, который на сегодняшний день есть хрущевская власть плюс кукурузизация всей страны!», отец, человек, в общем-то достаточно спокойный и сдержанный, вдруг неожиданно резко и даже грубо на него вскинулся: «Сергей, думай, что городишь! Особенно при детях!» Опля! И осекся дядя Сережа, сник. Понял, что сморозил нечто глупое, несуразное и ненужное.

Но сейчас Сергей Суровцев буйствовал, безумствовал и негодовал: «Федор, ты что, совсем с ума съехал?! Чего ты дурью-то маешься?! Ну переименовали, и что с того? Сегодня – так называли, завтра – еще что-нибудь придумают... Тебе-то что за дело? Что изменилось-то? Сотни тысяч людей живут – и ничего. А тебя почему это больше всех волнует? Я вам такой вариант нашел, работу для тебя держу, а ты как...» Тут, по идее, должно было следовать нечто малопечатное. Но в телеграммах такие вещи не проходили, а письма при сыновьях зачитывались явно с купюрами. Впрочем, для догадок об истинном содержании мальчишки были уже достаточно взрослыми и подобным лексиконом если и не пользовались широко, то уж знали его, несомненно, досконально.

Отец повыступал и поупилался недели две-три, с каждым днем все менее и менее рьяно, а потом и вообще успокоился. Вскоре приехали хозяева волгоградской квартиры. Оказались очень приятной супружеской парой, чуть-чуть постарше родителей. Их все устроило, все им понравилось, пятнадцатиминутная беседа – и, что называется, ударили по рукам. Решили, правда, ввиду надвигающейся зимы, не торопиться, не ломать детям (у них тоже было двое мальчишек) учебный год, дать возможность Вере Александровне завершить какую-то интересную и важную для нее постановку, оформлять потихоньку необходимые документы, а сам процесс переезда перенести на лето. С тем по-дружески и расстались.

Отец, правда, до лета не доработал в своем автокомбинате. Уволился где-то в марте – апреле и тут же уехал в Волгоград, начинать работу на новом месте. Опять-таки о достоинствах или недостатках отсутствия звукоизоляции. Однажды, уже сквозь сон, Георгий слышал реплики забежавшего на минутку и задержавшегося на полную бутылку отцовского сослуживца: «Ну ты, Федор, непростым мужиком оказался! Нас тут со дня на день начнут чихвостить, а тебя вроде бы и нет уже давным давно». Сон, естественно, как ветром сдуло, особенно когда послышался голос отца: «Ты, Иван Михайлович, меня к своим делам не примазывай! Под всеми вашими „бензин – направо, запчасти – налево“ ни одной моей подписи нет. И то, что я ни копейки с этого не имел, лю-

бое следствие докажет. Так что я расследования не боюсь. А вот то, что вашими помоями могут мой партбилет замарать – а я его, между прочим, на фронте получал, – этого я допустить никак не могу. Так что уж извини, разбирайтесь со своей грязью сами!»

Ну вот все и разъяснилось! Вот оно, то главное, что вынудило Федора Жаворонкова бросить неплохую работу, налаженный быт и в конечном счете покинуть милый и симпатичный городок. В его автокомбинате проворачивались жульнические махинации, и он, будучи человеком честным и порядочным, не желая в них участвовать и не имея, вероятно, возможности в одиночку пресечь эти дешевые «гешефты», предпочел устраниваться и уйти.

А потом наступил май – а это уже лето, – а за ним и июнь: конец учебного года. Вновь коробки, чемоданы, узлы... Георгий фактически принял на себя всю мужскую часть работы по сборам и упаковке. От Лешки проку было мало, не пугается под ногами – и то слава богу! Отец пару раз прилетал, но не больше чем на день-два и все время фактически проводил в каких-то конторах и в домоуправлении, дособирая как бы необходимые для обмена, а по сути совершенно дурацкие и никчемные справки.

И вот уже контейнер отправлен, билеты куплены... День-два в пути – и Жаворонковы стали волгоградцами.

Глава третья

Александр Борисович Турецкий блаженствовал. Блаженствовал по-настоящему, что не слишком часто ему удавалось. Всего было достаточно в жизни старшего помощника генерального прокурора, государственного советника юстиции третьего класса. Все было: и рутинная, монотонная, унылая кабинетная работа – этого даже особенно много, слишком много; и приключения, погони, авантюры и интриги; и визг тормозов, свист пуль и кипение адреналина в крови. Была ему знакома и напряженная, пропитанная крепчайшим кофе и табачным дымом аналитика, и бессонные ночи и раздумья над какой-нибудь очередной головоломкой. И даже порой – простые и тихие радости возле уютно мерцающего телевизора.

А вот блаженства явно не хватало.

В этот раз все так удачно совпало, просто исключительно удачно: все обстоятельства дополняли одно другое, и общая картина вырисовывалась самая радужная. Во-первых, в Москву пришел май. (Ну вы-то знаете, что такое май в Москве!) Во-вторых, было закончено сложное, запутанное дело, преступник перестал наконец изворачиваться и, будучи загнан в угол стальной логикой Александра Борисовича, подписал «чистосердечное». Наконец, в-третьих, май пришел и в отношения Турецкого с его спутницей жизни и

помощницей – женой Ириной Генриховной.

Турецкий любил Ирину, Ирина обожала Турецкого, и при этом их союз никогда нельзя было назвать идеальным, беспроблемным. Бывало, что какое-то мимолетное облачко превращалось в серую тучу, и тогда на долгие дни мир уходил из их семьи.

А бывало так, как сейчас: вновь протянулись между ними и запели некие невидимые струны, снизошел внутренний покой и благодать. Откуда вообще берется хорошее настроение? Все это так загадочно.

И вот теперь – в дополнение к общей идиллической картине – Ниночка, любимая дочка Турецкого и Ирины, отпросилась у родителей погостить на выходные на даче у подружки, в результате чего супруги вновь почувствовали себя юными и легкомысленными, невесомыми; у них начался «второй медовый месяц».

Засим Александр сидел в своем любимом, уютнейшем кресле и маленькими эстетскими глоточками цедил принесенное им же «бордо» урожая позапрошлого года. (Конечно, Турецкий предпочел бы нормальную, родимую рюмку водки, но чего не сделаешь, чтоб произвести впечатление на собственную жену!) В тяжелых серебряных канделябрах оплывали свечи... и почему в женском сознании занятия любовью обязательно запараллелены со свечами? А откуда это у нас этакие белогвардейские канделябры? Но неважно, неважно, пусть! Красиво все-таки.

Итак, Александр Борисович утопал в мягчайшем плюше и чувствовал себя удивительно спокойно, комфортно... Можно не волноваться, а расслабиться и плыть, плыть по этим мягким волнам.

В гостиную вошла Ирина, одетая в шелковый черный пеньюар, ее красивые глаза блестели ярче обычного – совсем как в молодости. Он еще успел сверкнуть глазами ей в ответ, а чуткие уши следователя в ту же секунду уже уловили эту музыку... Эту ненавистную музыку, доносившуюся из кармана его пиджака.

Как там было в известном анекдоте? «Моцарт и Бах – не лохи, братан, а чисто конкретные пацаны, которые пишут музыку к нашим мобилам!» Турецкий не особо увлекался техникой и «игрушками», но его аппарат – с тех пор как попался под горячую шаловливую руку шутникам из его же команды – исполнял исключительно «Турецкий марш» Моцарта. Результатом явилась та хрипучая ненависть, которую внушало теперь юристу это известное рондо гениального австрийского композитора.

Эта ненавистная, ненавистная, ненавистная музыка... может, не снимать? Ну имею я право, в конце концов?! Э-хе-хе... Нет, друг ситный Александр Борисыч, не имеешь ты права! И сам прекрасно это знаешь. Вот так-то, дружок. Так будь же проклят тот день, когда...

– Алло!

– Здравствуй, Александр Борисович. Извини, что поме-

шал, но...

Так-с. Александр Борисович, – значит, не Саша. А следовательно, старый друг Костя Меркулов, заместитель генпрокурора России, звонит не на шашлыки его пригласить.

– Здравствуй, Константин Дмитриевич.

– ...но дело срочное. Очень срочное.

– Что случилось?!

– Убийство. Не по телефону. Я понимаю, Саша, все понимаю. Но ты меня знаешь не первый день, я панику разводить просто так не буду.

– Когда?

– Когда ты сможешь быть у меня?

– Через час нормально?

– Жду.

Турецкий нажал отбой с видом человека, осознавшего вдруг, что жизнь его не удалась. Впрочем, уже через секунду выражение его лица изменилось. Проснулось профессиональное любопытство, инстинкт охотника. Он стремительно собрался, не отказав себе, впрочем, в последнем глотке «бордо» – «на посошок», – поцеловал жену и был таков.

Глава четвертая

Я – убийца... К этому нужно привыкнуть. Там, в горах, все было иначе: вот тут были мы, а вон там находились они. Они – враги, потому что хотят уничтожить нас, а мы за это ненавидим их. Это было так просто – убивать... там, в горах.

Глупые журналисты говорят «ад». «Он прошел через ад...» Эх, что вы понимаете, хлипкие, изнеженные мамини сынки! Да, это был ад, но какой прекрасный ад! Там – они. Тут – мы. Есть великая опасность, и есть великая цель, которую мы посланы выполнять. Мы должны показать им, кто хозяин. Кто сильнее.

Смерть ходит где-то рядом, но от этого только больше начинаешь любить жизнь. Где еще так ценишь жизнь, как на войне?

Я убийца! Да-да, еще там, наверху, я сделался им. Я хорошо помню своего первого. Каждый, кто убивал, хорошо помнит своего первого – как помнят первую женщину.

Он шел на меня... совсем молодой, еще щенок. Грязноватый пушок над верхней губой, серая от страха физиономия. И наглые бараньи глаза – впиваются в меня и ненавидят, ненавидят... Я понял, что сейчас он меня убьет. Это оказалось так обыденно... вот сейчас этот перекошенный сопляк меня убьет! И в ту же секунду я сообразил, как сделать, чтобы он не смог меня убить. В моем указательном пальце посе-

лилась смерть – его смерть; стоит лишь нажать на спусковой крючок «калаша», и она стремительно полетит к нему. Маленькое свинцовое тельце калибра 7,62 войдет в его большое теплое тело, и он утихнет навсегда. Только что, кажется, он шел мне навстречу, такой ужасно живой: дышал, ненавидел меня, думал о чем-то своем – быть может, вспоминал любимую девушку, – а теперь упадет на землю, в пыль, расплющит свою нахальную морду о придорожные камни и затихнет навсегда.

Сколько разных мыслей пронеслось в моей голове в одно-единственное мгновение! Правильно говорят, что время в таких случаях растягивается. В самый распоследний миг я еще испугался, что не смогу, – а указательный палец уже судорожно давил на спуск.

Он упал...

Со вторым пошло чуть-чуть легче...

... А потом стало и совсем легко. Там, наверху...

Но там, наверху, в горах, шла война. Солдаты стреляют друг в друга, кидают гранаты, укрепляют ловушки, мины – это нормально. А теперь я – убийца.

Как же это происходит теперь? Вот он садится за дубовый письменный стол, достает ажурный нож для разрезания писем и берет в руку мой конверт... а в конверте уже поселилась смерть – его смерть. Я сам ее туда поселил, потому что я со смертью на «ты». Куда я отправлю ее – туда она, голубуш-

ка, и пойдет. Маленькое нехитрое устройство, срабатывающее от прикосновения теплой, живой человеческой руки... его руки – руки врага! Вот он доверчиво разрывает бумагу – небрежным, хрустким движением... он-то не знает, кто поселился в этом белом конверте!

Я убийца?! Нет-нет, ничего подобного! Ведь передо мной – враги! Они ненавидят меня и тех, кто мне дорог; ненавидят и хотят уничтожить. Уже уничтожили. Я – не убийца, а мститель! Там они, а тут я – один. Потому что я остался на этом свете один.

Итак, его белая рука элегантно вскрывает мой конверт, мое «святое письмо», мою благую весть из ада. Великолепная вспышка высвобождает скрытую силу неживой материи – и вот он уже падает мордой вниз, ломая нос о мореный дуб письменного стола. И затихает навсегда. Вот только что он еще дышал, шутил, мурлыкал «Что наша жизнь...» и ненавидел меня. А теперь замолчал – навсегда.

Однако в газетах ни слова – а ведь письма должны были уже прийти. Ну, впрочем, все правильно: «контора» никогда не любила выносить из избы свой смрадный сор. Но я все равно узнаю. Она сама мне расскажет – моя мать. Женщина, которая когда-то произвела меня на свет, а теперь почему-то оказалась с ними, там, где они. Женщина, которую так горячо любил мой несчастный отец, а я теперь так люто ненавижу. Я ненавижу свою мать!

Черт возьми, кажется, снова надвигается приступ. А впро-

чем, я рад! И хорошо, что я один: никто не увидит, как я в судорогах катаюсь по полу и бьюсь в отчаянных конвульсиях, как на моих губах выступает пена. Говорят, это очень неприятное зрелище.

Я чувствую, как он приближается... приближается. Но ничего!

Ничего...

Глава пятая

Волгоград встретил своих новых граждан дикой жарой. Конечно, и на Украине в летние месяцы бывало очень жарко: перегревались стены домов, плавился асфальт... И все же в той жаре было нечто более мягкое, нечто более ласковое, более доброжелательное к человеку, то, что скорее хотелось назвать не жарой, а теплом. Здесь же – ничего подобного! Застоявшийся, сухой и колючий воздух врывается в легкие раскаленными пучками, не столько насыщая их кислородом, сколько иссушая и обжигая. Еще тяжелее становилось, когда поднимался ветер, временами приближающийся к ураганному, вздымавший в воздух пыль, песок, небуранные производственные отходы огромного промышленного города. «Волгоградский дождичек пошел», – острили старожилы. Высохшая и сгоревшая под неумолимым солнцем степь являлась превосходным полигоном для разгула воздушных стихий, приносявших с собой не только соляные кристаллики с заволжских солончаков, но и частицы безжизненных почв из не столь уж удаленных пустынь и полупустынь Казахстана.

«Ребята, не дрейфьте! – вешал неунывающий дядя Сережа. – Лето у нас довольно трудное, жаркое. Но... привыкнете, акклиматизируетесь, все привыкают, ничего страшного, мы же живем?» И далее следовали пространные, эмоци-

ональные рассуждения о чарующих весенних запахах цветущей степи, не только доносящихся в город, но и проникающих во все его уголки, об их причудливом смешении с ароматом цветов вишни, распустившихся на голых, не покрытых еще зеленой листвой деревьях, и много-много еще чего столь же возвышенного и восторженного. Определенно, что дядя Сережа, влюбившийся с юных лет во все автомобильное, слишком уж поспешно зачеркнул свое несомненное поэтическое дарование!

Первые дни на новом месте Георгий провел в непрерывных блужданиях по городу, благо что времени свободного было – навалом! Учебный год еще не начался, квартира, в которую они въехали, оказалась очень чистенькой и ухоженной, не требующей никакого особого ремонта, так, подмазать-подкрасить в двух-трех местах – и все. Можно сказать, что помощи в доме от него не требовалось никакой. Ну разве что контейнер они с отцом разгрузили практически вдвоем, не прибегая к услугам грузчиков (дядя Сережа подбежал совсем уже к концу, фактически не на разгрузку, а на «обмывание» переезда). Так ведь это было даже здорово: они, вдвоем с отцом, двое взрослых мужиков, занимаясь настоящим мужицким делом, прекрасно с ним справились. Мама, придя вечером и увидев уже полностью обставленную квартиру, была в восторге: «Мальчики, вы огромные умнички!» – и звонко расчмокала их обоих.

Результатом первых туристических изысканий стало

некоторое недоумение: оказалось, что за два-три-четыре дня он сумел шагами промерить весь город, который по статистике тех лет насчитывал то ли пятьсот, то ли шестьсот, то ли чуть ли не семьсот тысяч жителей. Ясность внесла купленная в киоске «Союзпечати» карта. Волгоград – одно из своеобразнейших в мире городских образований: протянувшись вдоль Волги почти на сотню километров, в ширину во многих местах он не достигал и двух-трех. Причина столь своеобразного «планирования» очевидна: мощные промышленные предприятия, многие из которых сформировались еще до революции при активном участии заграничных капиталов, тянулись к Волге, к воде, являющейся не только важнейшей составляющей производственных процессов, но и дешевой и удобной транспортной артерией. Эстафету «империалистов» достойно продолжил и Тракторный завод, и другие детища сталинской индустриализации. В итоге к Волге во многих местах не всегда возможно было и подобраться. Но та часть города, в которой предстояло проживать Жаворонковым, являлась как раз одним из «узких» мест. Расстояние от самых помпезных сооружений парадного и официозного центра до их дома не превышало четырех-пяти километров. Но на практике преодолеть эти считанные километры частенько бывало очень непросто: ожидание вожделенного трамвая-«двочки» могло растянуться на неограниченно долгое время. (Кстати, первые месяцы пребывания Жаворонковых ознаменовались революционными событиями в

оснащении городского трамвайного парка: вместо допотопных полудеревянных «сараюшек» на колесах на линии вышли элегантные, обтекаемых форм, двойные гэдээровские вагончики с пневматическими дверями. Впрочем, хватило этой иноземной пневматики ненадолго, и красивое заклинание вагоновожатых – «Осторожно! Двери закрываются!» – почти сразу же потеряло свой смысл. Могучие российские ручки начали выламывать эти мудреные дверцы буквально с первого же рейса и очень быстро добились успеха. Двери стали обычными, открывающимися вручную и освобождающими беспрепятственный доступ к обширным подножкам, позволявшим за счет гроздьями висящих на них граждан значительно увеличить пассажировместимость.)

Дядя Сережа зудел с первого же дня: «Жорка, шляешься по солнцу – надевай что-нибудь на голову и пей воды побольше!» Георгий, разумеется, этими «детскими» советами пренебрегал до того самого момента, когда он, не очень помня, как и откуда попал сюда, очнулся вдруг на бортике фонтана, в центре которого произрастали какие-то бравые интернациональные колхозницы, очнулся оттого, что кто-то из сердобольных граждан со словами: «Ну, парень, ты даешь, так же нельзя, ты же солнечный удар схватил!» – щедро, из неограниченных фонтанных запасов поливал его голову водой, а какая-то женщина пыталась напоить его из граненого стакана близстоящего газировочного автомата.

На этом прогулки по городу завершились. Выводы? Неод-

нозначные. С одной стороны, впечатляющие размах и величие, с другой – недоумение: какое, собственно, отношение к великой Сталинградской битве имели все эти многочисленные портики, колоннады, ротонды, эффектная на первый взгляд, но ужасно неудобная в практическом отношении (учитывая жгучее южное солнце) парадная лестница-спуск к Волге, многочисленные памятники, стелы, барельефы... Слово «эkleктика» в то время еще не входило в лексикон Георгия, но, не умея словесно сформулировать свои впечатления, интуитивно он очень точно почувствовал излишнюю претенциозность, ненужную помпезность, за которыми скрывалась неестественность и даже какая-то фальшивость. Значительно более сильное впечатление производили водруженные на скромные постаменты простые танковые башни, которыми отмечали бывшую линию фронта. Но сдержанные приметы действительного героизма тонули в псевдограндиозном великолепии.

Приближалось начало учебного года, и возникла проблема. Георгий последнее время учился в одной из новомодных, возникающих, как грибы, «английских» школ. Однако до «пролетарского», как его любили именовать различные официальные лица, а по сути, мелкохулиганского Ангарского поселка – нынешнего места обитания Жаворонковых – полугорода-полудеревни, прилепившейся к центральной части Волгограда, подобные «буржуазные» увлечения еще не успели докатиться. В местных школах, обильно по-

ставлявших кадры в колонии малолетних преступников, отдавали предпочтение немецкому и французскому. Ближайшая и, как считалось, лучшая в то время в городе спецшкола с преподаванием ряда предметов на английском языке находилась в центре, а учиться школьникам полагалось, как известно, по месту жительства. Но, пройдя собеседование по языку, Георгий с таким блеском «отрезвонил» все зазубренные сведения по теме «Мавзолей Владимира Ильича Ленина на Красной площади» (которого он в то время, надо сказать, еще и в глаза не видел!), что у школьных «англичанок» не возникло никаких сомнений: безусловно перспективен к изучению языка и, в порядке исключения из общих правил, принят. (Позже выяснилось, что таких «принятых в порядке исключения» было половина школы, и в основном не из-за блестящих способностей, а по причине руководящих постов, занимаемых родителями, а то и просто по обычному блату.)

И потянулись годы ежедневного преодоления пяти-шести осточертевших трамвайных остановок. Ну а о количестве попусту растроченных на это часов и вообще больно было вспоминать. Почему, собственно, он не взял себе за правило передвигаться пешком? Те же тридцать – сорок минут, но в движении, а не в тоскливом созерцании пустых трамвайных рельсов. И главное, зачем? Ведь очень скоро стало ясно, что изучение языка по советским методикам – полный бред! Бесконечные Мавзолеи, Великие Октябрьские социалистические революции, Выставки достижений народно-

го хозяйства СССР... И по каждой теме зачеты, «тысячи» прочитанных слов, «характерные обороты и выражения...». А не дай бог, приходилось столкнуться с необходимостью объясниться с кем-то англоговорящим – Волгоград не какой-нибудь там наглухо закрытый и засекреченный Куйбышев-Свердловск, иностранные визитеры в городе никогда не переводились, разумеется, присматривали за ними неусыпно, но иногда самым резвым из них удавалось вырваться «в народ» и, так сказать, попытаться общнуться с аборигенами в неофициальной обстановке. Вот тут и наступал час испытаний для пионеров и комсомольцев, изучающих языки по усиленным программам. И они с радостью делились с гостями города знаниями по изученным темам, ну, например, такой актуальной, как «Владимир Ильич Ленин – вождь мирового пролетариата». Правда, вскоре оказывалось, что эта интереснейшая тема иностранных гостей почему-то не очень увлекает. Да и с пониманием – не в политическом, а чисто в языковом смысле – было довольно сложно. До них хоть и с трудом, но все-таки доходило наше бормотание (неустанная работа преподавателей над изысканным кембриджским произношением все-таки приносила свои плоды), но вот понять, что они хотели сказать в ответ на своем совершенно особом, неправильном, а потому и неизучаемом в школах английском, было совершенно невозможно. Шутка, конечно. Но, в общем-то, довольно горькая.

Кстати, английским в конце концов Георгий овладел впол-

не прилично, ну не абсолютно свободно, не без «крутого» русского акцента, но тем не менее... Овладел, когда по-настоящему начали учить языку, а не мавзолею. Но произошло это уже «там», «в фирме». И во втором языке – у него это был немецкий – поднатаскали очень крепко. Во всяком случае, ни в одной из командировок в немецкоязычную среду проблем с изъяснением и пониманием не возникало. Более того, пару раз даже пришлось выезжать под немецкими фамилиями, не разыгрывая из себя, разумеется, уроженца Берлина или Мюнхена – для этого его язык был слишком прост и примитивен, – но вполне правдоподобно изображая обрусевшего потомка немцев Поволжья. Изредка руководство подкидывало такие «клюквы»: вы, мол, бубните о зажиме в СССР людей некоторых национальностей – так нате вам, пожалуйста, – Иван Петрович Шварц, ответственный работник, немец (швед, чех, норвежец) по национальности, между прочим.

Нельзя сказать, что юность будущего генерала Жаворонкова, проведенная в Волгограде, была наполнена особо яркими, запоминающимися событиями. Школьные годы и вообще слились в какой-то единый временной блок: припомнить, что происходило в восьмом классе, а что относилось уже к десятому, было весьма затруднительно даже при весьма тренированной профессиональной памяти генерала. Да, честно говоря, Георгий Федорович и не очень увлекался подобными воспоминаниями. Как правило, всю жизнь было

как-то не до того, находилось что-то более важное, о чем надо было думать и помнить.

Читал он много и увлеченно. Лет до семнадцати-восемнадцати – совершенно бессистемно, потом как-то научился дифференцировать и отсеивать действительно интересное от необязательного. Домашняя библиотека – весьма скромная по объему и содержанию – была изучена, разумеется, вдоль и поперек, довольно скоро были исчерпаны и ресурсы школьной, вполне приличной библиотеки. Благо поблизости от школы находилась еще одна, какая-то централизованная библиотека, районная или областная – черт его упомнит сейчас! Там было чем поживиться! Но возникали и сложности. Книги выдавались на неделю в количестве не более трех, причем одна из них должна была быть обязательно идеологически-политической направленности, преимущественно по местной тематике: Сталинградская битва и все с ней связанное. Подобная обязаловка Георгия не шокировала. Тема войны была ему по-настоящему интересна. Но вот качество предлагаемых книг!.. Ведь на одну «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова приходилось несколько десятков откровенно халтурных поделок. А не читать или хотя бы не просматривать эту «нагрузку» было нельзя: библиотекарь, особенно для читателя, который вместо положенной недели прибежал за новыми книгами каждые два-три дня, вполне мог устроить своего рода экзамен: «Ну и как тебе понравилась книга? Все понял? Да и вообще, читал ли

ты ее?» И проштрафившегося могли занести в черный список, прекратив выдачу нормальной литературы, а то и вообще «отлучить от кормушки».

Нет, закоренелым нелюдимом и домоседом Георгий конечно же не был. Напротив, он с удовольствием откликался на малейшие проявления дружелюбия со стороны одноклассников, с радостью пошел бы на более тесный контакт, но... Как-то не очень получалось. И, как ни странно, не последнюю роль в этом играла география. Когда Пашка Зайцев, внук председателя горисполкома, прокидывал: «Мужики, дед из Лондона привез настоящий альбом „Битлов“. Значит, так: в два у меня английский, а к четверем – все ко мне!» – Жора с радостью принимал приглашение, да вот только воспользоваться им мог не всегда. Ну не болтаться же, в самом деле, два-три часа по городу просто так. А пока доберешься домой – уже пора возвращаться назад, и зачастую не только к четверем, а и к шести не всегда успеешь. Один раз не пришел, второй раз опоздал на полтора часа, а потом как-то и приглашать перестали. Да и вообще, честно говоря, среди одноклассников, в большинстве своем представителей «золотой молодежи» города, племянников и внуков директоров крупнейших заводов, деток секретарей райкомов, дочек заведующих горно и облздравотделом, Георгий чувствовал себя белой вороной. Нет, нельзя сказать, что наследники нарождающейся «номенклатуры» вели себя как-то по-особому вызывающе или пренебрежительно – будущее снобство и

барство в те годы еще только начинало расцветать, разве что детки руководящих торгашей уже в полной мере были исполнены собственной значимости и причастности к «небожителству», но таких в классе было лишь двое-трое, и они не делали погоду. Но все равно дистанция между «ними», избранными, и простыми смертными ощущалась уже очень отчетливо. Заработал ли Георгий на этой, с одной стороны, близости, а с другой – отстраненности от «высшего» круга какой-то комплекс? Он считал, что нет, что завистливость и ревнивость к чужой, явно более обеспеченной и благополучной жизни ему несвойственна. Но поди же знай, что и как преломляется в подсознании, особенно в подсознании человека совсем юного, можно сказать, только формирующегося, что прошло незамеченным, а что оставило глубокий и, возможно, даже болезненный след. Впрочем, к последнему году в школе все как-то притерлось, уравнилось. И вечеринки в домах одноклассников шли своим чередом с неизменным участием Георгия. А когда выяснилось, что его отец довольно часто уезжает в командировки, а мать в эти дни ночует у знакомых на «Красном Октябре», поблизости от места работы, и, следовательно, есть пустая «хата», Георгий вообще на некоторое время стал «героем дня». «А где ты, собственно, обитаешь, старичок? – Юрка Попов, сын секретаря горкома комсомола, и слыхом не слыхивал, разумеется, где находится в городе областная больница, его семейство, если, не дай бог что, лечилось совсем в другом месте. – Ну занесло

тебя, старичок! Ничего. Найдем. Доберемся!» И добрались. И раз, и два, и три, пока тот же Юрка не встретился на обратном пути с группой ангарских «ковбоев». Ничего страшного. Сломанный палец, пять-шесть швов... Все это с успехом можно было заработать и в двух шагах от площади Павших Борцов. Но почему-то решили, что истинная причина – отменно хулиганский район, и... поездки к Георгию прекратились.

Кстати, задним числом, вспоминая процесс своей адаптации в среде соседей – обитателей действительно не самого благополучного и тихого места в городе, – Георгий понимал, что где-то ему крупно повезло. Новичок в поселке, чужак, учащийся в какой-то далекой «особой» школе, а посему не имеющий естественных контактов с окружающими его сверстниками, Георгий легко мог попасть в категорию изгоев, третируемых, а периодически, для профилактики, и избиваемых лихими ангарскими мальчуганами. Но...

Как-то так получилось, что, несмотря на очевидные для местной шпаны странности молодого человека – склонность к затворничеству, непроявляемую напоказ агрессивность, неучастие в «боевых» действиях, когда по кличу: «Наших бьют! Сарептовские приехали!» – следовали какие-то массовые бега с палками, выломанным штакетником, велосипедными цепями, кому-то пробивали голову, кого-то везли в больницу, кто-то получал очередной «привод» в милицию, – Георгия оставили в покое. Настолько в покое, что, даже воз-

вращаясь домой поздно ночью, он не вздрагивал от каждой мелькнувшей в подворотне тени. «Ша, пацаны, это Жорка, Лешкин брат». Вот так вот! Лешка, с первых же дней на новом месте с упоением рванувшийся в этот хулиганский полублатный мир, за короткое время сумел завоевать в нем настолько крепкие позиции, что стал одной из авторитетнейших фигур. Да и внешние данные, как его, так и его «ребятишек», представляли вполне убедительную картину. Как-то вдруг, за считанные месяцы, невзрачные мальчишки превратились в бугаистых мордovorотов, из тех, с кем никому не хотелось бы встретиться в темном переулке. Во всяком случае, Васька Клык, один из известнейших местных «заводител», имевший неосторожность подкараулить Георгия, провожавшего домой Лидочку Корину и смачно врезавший ему по челюсти со словами: «Увижу еще раз рядом с Лидкой – убью!», через день-другой валялся под забором, поверженный могучим кулаком одного из Лешкиных корешей, коренастого и угрюмого боксера-разрядника, и, размазывая кровь по разбитым губам, повторял как заклинание: «Все. Все! Я все понял. Хватит!» Роман с Лидочкой, кстати, никакого продолжения не имел. Да это и изначально было ясно. Достаточно было взглянуть на ее дом – добротный двухэтажный кирпичный особняк из тех, что начали возникать вокруг хрущевских панелек и среди сохранившихся еще с первых послевоенных лет непонятно из чего слепленных развалюх-временок, в которых, однако, продолжали жить. Кто такой был

для нее Георгий? Голытьба! Вскоре Лидочка вышла замуж за здорового колоритного грузина, родила, развелась, вновь вышла замуж...

Сказать, что у Георгия как-то сложно складывались отношения с прекрасным полом, никак было нельзя. Не последнюю роль в успешном развитии многих «романов» играла периодически пустующая квартира – они с Лешкой расписывали ее использование буквально по часам, – ну а летом был пляж, замечательный пляж на косе, где можно было, отправившись в дальнюю прогулку вокруг залива – искусственно созданного землечерпалками образования, – достичь полукустиков-полулесочков, где сама природа предполагала склонность к уединению и интиму. Другое дело, что все эти не слишком, впрочем, многочисленные подружки и партнерши, зачастую вполне доброжелательно реагировавшие на естественные поползновения Георгия, никак не могли заменить тех, чьего внимания и расположения он действительно по-серьезному добивался.

Вначале это была Наташенька Синцова, ведущая, так сказать, актриса в маминой театральной студии. И терпеливые ожидания окончания репетиций, и цветы, пусть и неумело, но обязательно вручаемые после каждого спектакля, да еще проделать это надо было втихаря от матери, чтобы не спровоцировать очередное насмешливое: «Ну как там у тебя с Наташенькой?» Аж кровь в голову бросалась! Потому что – никак! Потому что: «Здравствуй, Жора! До свидания, Жо-

ра!» – и все. Полтора-два года мотаний с «Красного Октября», где располагалась студия, на Второй Волгоград, места обитания новоявленной театральной «примадонны», в жару, в дождь, в метель... «А, это ты, Жора! Здравствуй!» И... «До свидания, Жора!» Всякому терпению в конце концов наступает предел. «До свидания, Наташа!»

И почти сразу же на романтическом горизонте Георгия Жаворонкова вспыхнула новая звезда – пианистка Оленька Шатц.

На годовой отчетный концерт учащихся фортепианного отделения Волгоградского училища искусств Георгий забрел исключительно для того, чтобы послушать выступление своего друга Жени Левина. Познакомившись несколько месяцев назад на какой-то случайной вечеринке, парни за прошедшее время необыкновенно сблизились. Оба были заядлыми книголюбителями, оба грешили собственным стихоплетством, всегда как-то естественно и непринужденно возникала интересная тема, которую хотелось обсудить... В общем, что называется, нашли друг друга. Женька ввел Георгия в круг своих приятелей, молодых музыкантов, и Георгий с удовольствием окунулся в эту совершенно своеобразную атмосферу. За заклиненными ножкой стула двойными дверями училищных классов резались в покер, дули найдешевейшее «Яблочное десертное», а едва закончив завывать под аккомпанемент гитары или рояля заунывную песню о каком-то там караване, который бредет неизвестно куда, а «в тюках кашгарский

план», уже через минуту-другую с пеной у рта доказывали друг другу, что утверждающие, будто Ван Клиберн играет Третий концерт Рахманинова лучше, чем сам автор, – полные идиоты, ничего не смыслящие в музыке. В общем, богема.

Отскучав тридцать – сорок минут, Георгий дождался-таки Женькиного выступления. На его взгляд, все было серьезно и солидно. Огромный черный рояль, Женька в черном костюме при галстуке, поклоны, аплодисменты...

– Ну, Женька, здорово!

– Старичок, спасибо, конечно, на добром слове, но, честно говоря, облажался я сегодня по-крупному. Половина нот – под рояль, коду – так и вообще завалил... – В переводе с музыкантского на общечеловеческий это значило, что Женька играл плохо, и было очевидно, что он не кокетничает, а по-настоящему зол и недоволен собой.

– Да ладно тебе, по мне – так все было нормально. Пошли?

– Подожди. Послушаем уже, что там наша прима выдаст.

– Это кто?

– Ольга Шатц. Наша, так сказать, единственная и неповторимая.

Когда, завершая концертную программу, на сцену вышла невысокого роста, тонкая, стройная, даже, пожалуй, хрупкая девушка с распущенными каштановыми волосами, Георгию подумалось, что ей действительно более пристало бы нечто балетно-изящное, чем сражение с этим жутковатым черным

монстром, с агрессивно разъявленной крышкой-пастью. Но с первых же звуков даже такому полному профану в игре на рояле, как Георгий, стало ясно, что небольшие, но очень цепкие и ловкие пальчики железной хваткой обуздали трехногое чудовище, понуждая его то нежно и трогательно петь, то рассыпаться колокольчатыми перезвонами, то рокотать и реветь, извергая из самых глубин своего нутра могучие раскаты.

Кажется, Георгий был первым, кто начал бешено аплодировать, когда не успел еще отзвучать последний аккорд. Первым, но далеко не последним, потому что, несомненно, удачное Оленькино выступление приветствовали искренне и горячо.

– Ну что тут скажешь, – Женька выразительно развел руками, – ну молодчина Ольга! Даже тебя, по-моему, достало, а? Пойдем поздравим.

В небольшой артистической было полно народу. Женька, не обращая ни на кого внимания, решительно пробил себе дорогу к раскрасневшейся героине вечера и расцеловал ее в обе щеки.

– Олюнечка, умница! Это было замечательно! – Черт их поймет, этих музыкантов! Полно народу, явно тут же были и педагоги, возможно даже и родители, а они целуются – и хоть бы что!

– Женька, спасибо! Ты слушал? Потом расскажешь, как тебе.

– Да чего тут рассказывать? Я уже сказал. Отлично! Тут вот у тебя новый поклонник появился. Познакомься. Георгий Жаворонков. Молодой поэт, публикуется в нашей «молодежке». – Это было правдой, хотя и изрядно преувеличенной. После многочисленных отписок из различных редакций: «...рады были познакомиться... к сожалению, наши планы... с интересом ждем...» в том смысле, что пошел бы ты к чертям собачьим со своей графоманской писаниной! – волгоградская «молодежка» вдруг опубликовала два небольших стихотворения Георгия и даже выплатила ему авторский гонорар – восемь рублей семьдесят копеек; но называть эту случайную удачу словом «публикуется» – было явным передергиванием.

– Оля, я вас поздравляю...

– Да-да, спасибо. Ой, ребятки, я так устала... – Намек более чем понятный.

Женька предложил немного прошвырнуться, но Георгий, сославшись на какие-то там мифические дела, сумел от него довольно ловко отбиться. Дальнейшее было делом техники: не прозевать выход интересующего объекта, некоторое время проследовать в заданном направлении, не теряя из вида, но и по возможности не попадаясь очевидно на глаза, после чего с наибольшей естественностью изобразить «случайную» встречу: «Ах, это вы! Надо же! Какой сюрприз!» Владеть бы ему в то время с большим мастерством основами внешнего наблюдения, которым через несколько лет его

достаточно успешно обучили в «конторе», тогда, возможно, толстушка Маринка Титова, ближайшая Ольгина подруга, не растрезвонила бы на следующий день на все училище: «Ну, Женька, этот твой поэт приклеился к нам, как Фантомас. Мы направо – он направо, мы налево – он уже из подворотни выглядывает». Но Ольга, расставшись с подругой и свернув в улицу, непосредственно ведущую к Волге, не проявила ни малейшего удивления при виде материализовавшейся в свете фонаря тени: «А, это вы? Георгий, кажется? Вы что, тоже где-то в нашем районе живете? Ну так проводите тогда меня, а то уже поздно, безлюдно...» О большей удаче в первую встречу нельзя было и мечтать: благосклонное предложение перейти на «ты», вожденный номер телефона...

Через несколько дней Женька, глубокомысленно затягиваясь новомодной длиннющей болгарской сигаретой с фильтром, витийствовал в училищной курилке под лестницей:

– Старичок, я, конечно, все понимаю, Ольга – девушка эффектная, своеобразная, мы все ей в свое время переболели; и я, грешным делом, и Игореша, он вообще пару месяцев ходил как мешком притюкнутый. Но только одно могу сказать: не распускай слюни и не теряй головы. Кстати, знаешь, что значит по-немецки «Шатц»? «Сокровище». Так вот, Олечка, может, и сокровище, но сокровище очень непростое.

– Она что, немка?

– Насколько мне известно – нет. Там какая-то сложная се-

мейная история. Отец ее давным-давно погиб где-то на Камчатке, он был спелеолог, мать через какое-то время вышла замуж за его лучшего друга. Так вот, Шатц – это фамилия отчима. А действительно настоящий иностранец в их семье – так это Ольгин дядя, вернее, муж ее родной тетки.

– Каким образом?

– Самым натуральным. Иосиф Казимирович Загурский. Поляк, точнее, польский еврей. Офицер польской армии, еще той, довоенной. Был в плену у немцев, вроде бы чуть ли не в Освенциме сидел, случайно остался жив, снова воевал, потом опять сидел, теперь уже у нас. Реабилитирован. Из Магадана – напрямик в Волгоград. Получил прекрасную квартиру, пенсию. Живет... Скажи, биография? Без конца мотается в Польшу, Ты заметил, какие у Ольги шмотки? Ни у кого таких нет. Все от дяди, из Польши. Ты с ним еще познакомишься, не сомневайся. Он – дед общительный.

– А Ольга?

– А что Ольга? Она москвичка, к родителям в Москву катается чуть ли не каждый месяц, но учится почему-то у нас. Вообще-то конкуренция там, в столице, конечно, дикая. Там ребятки так шпилюют на рояле, что нам и не снилось. Но с другой стороны, пианистка она очень крепкая, сам слышал, вполне могла бы и в Москве пробиться. Не знаю, почему она так решила. Может быть, у дяди с тетей под крылышком уютнее, чем дома, может, еще что... Никто не понимает.

– Да откуда ты-то все это знаешь?

– Элементарно. Просто надо вежливо, внимательно и доброжелательно общаться с толстенкой и некрасивой лучшей подругой.

– С Маринкой, что ли?

– Естественно. Она, кстати, замечательная девка.

Женькины выступления, балансирующие на грани дружеского откровения и насмешливого, даже, возможно, немного циничного скептицизма, конечно же оказывали свое влияние, заставляя Георгия все время при встречах с Оленькой быть как-то немножечко настороже. И все-таки эти свидания, увы, не столь частые, как хотелось бы Георгию, были замечательны. Причина отказа, как правило, называлась одна и та же: не успела позаниматься, еще надо посидеть два-три часа. Очень больно кольнуло, когда однажды, во время предполагаемых занятий, Георгий неожиданно встретил Ольгу под руку с каким-то высоким и стройным блондином. В следующий раз ее спутником оказался кучерявый, правда с уже намечающейся лысиной, брюнет восточного облика. Ни в том, ни в другом случае Ольга не затруднила себя даже какими-то примерными объяснениями и оправданиями, и Георгий почувствовал, что любой заданный на эту тему вопрос может оказаться последним в их отношениях. Зато когда условленное свидание наконец происходило – это был настоящий праздник. Они часами бродили по вечерним улицам, целовались на всех свободных на набережной скамейках и в последних рядах кинозалов, говорили обо всем на

свете, вернее, разливался соловьем, демонстрируя свою начитанность и эрудированность, преимущественно один Георгий, опасаясь – упаси бог – лишь одного: невзначай коснуться каких-то музыкальных тем; Олечка же чаще всего снисходила до великодушного слушания, периодически кивая.

Знакомство с Олиными родственниками произошло весьма своеобразно. В один из вечеров, мотивируя тем, что ей срочно, к завтрашнему утру, необходимо доделать какую-то теоретическую работу, Оленька засобиралась домой, едва лишь начали сгущаться вечерние сумерки. Однако процедура прощания в полутемном подъезде затянулась на значительно более долгое время, чем все предыдущее свидание. Георгий привык к тому, что девчонки в подобных ситуациях как-то тушуются, пытаются прикрыть лицо, шарахаются от проходящих мимо соседей. Сегодня не было ничего подобного. Оленька не только не смущалась тем, что ее видят в подъезде с каким-то парнем (а что могла делать юная парочка в подобных обстоятельствах – вопросов и сомнений не вызывало), но и, наоборот, спокойно и вежливо со всеми здоровалась, а с кем-то даже умудрялась вступать в короткие беседы.

– А вот и дядя с тетей возвращаются.

Лампочку при входе в подъезд почему-то пощадили, и в ее «могучем» двадцатипятиваттном «сиянии» Георгий увидел мелькнувшую внизу седую шевелюру.

– Валечка, осторожнее. Опять у нас ни одна лампочка не горит, не напасешься, честное слово.

Медленные, сдерживаемые темнотой шаги по лестнице приближались.

– Привет.

– А, Оленька! Почему ты тут, в подъезде? Здравствуйте, молодой человек.

– Я, дядя, ключ забыла или потеряла. – Маленькая невинная хитрость: минутой раньше Оленька крутила на пальчике ключ на красивом брелке.

– Ну так пойдете уже в дом. Прошу.

– Да... Спасибо... Но уже поздно. И Оле заниматься надо.

– Вот и пусть занимается. А мы – как вас зовут, Георгий? – а мы пока чаек попьем.

В ярко вспыхнувшем в прихожей свете Георгий разглядел наконец своего визави: стройного, подтянутого, безупречно одетого пожилого джентльмена с тонкими, даже несколько заостренными чертами лица. Под стать ему выглядела и Олина тетя, Валентина Семеновна: худощавая, в простом, но очень элегантном и явно заграничном летнем костюме, с прекрасной прической, всем своим обликом демонстрирующая аккуратность и какую-то необыкновенную ухоженность.

– Валюничка, так насчет чаечка...

– Я все сделаю, Йося. Посидите пока с молодым человеком, побеседуйте.

Проследовав за Иосифом Казимировичем через всю про-

сторную, «сталинской» планировки квартиру с широкими коридорами, высокими потолками, Георгий оказался на балконе, откуда открывался великолепный вид на Волгу. Сияли сотнями огней огромные пассажирские теплоходы, перемигивались навигационные бакены, вытягивали свои тускло освещенные тела длиннющие самоходные баржи. И все это речное многолюдие периодически оглашало волжские просторы длинными, протяжными гудками.

Разговор возник легко, естественно и непринужденно, как бы само собой. Георгий даже не смог понять, как так получилось, что, отвечая на простенькие, незамысловатые вопросы Иосифа Казимировича, он уже на балконе, а позже и за прекрасно сервированным чаем с конфетами и печеньем очень быстро и досконально изложил своему внимательному собеседнику фактически всю свою биографию, начиная от родителей и кончая тем, что поступать он собирается на филфак местного пединститута, что, конечно, мечта – это МГУ, но сейчас он побаивается туда ехать, опасаясь легендарно грандиозного конкурса, а поступить в вуз надо обязательно, ибо иначе – армия, что он, разумеется, ни в коем случае не собирается увиливать от военной службы, но хотелось бы проходить ее действительно по-настоящему, серьезно и сознательно, а не просто тупо оттрубить по молодости положенное количество лет.

– Дядя, ну ты совсем Жорку заговорил! – Оля успела уже выполнить свое задание и присоединилась к чаепитию.

– Ничего подобного, Олюнечка! Я как раз в основном молчу, а рассказывает Георгий, и рассказывает, надо сказать, интересные вещи!

Никогда не суждено было генералу Жаворонкову узнать, что результатом этой и последующих бесед с Иосифом Казимировичем явилась аналитическая справка, ставшая одной из первых страниц в его обширном комитетском досье. Старый чекист пан Загурский не по чьему-то заданию, а действуя сугубо в интересах своеобразно понимаемой им «высшей цели», любил заводить дружбу с молодыми людьми. Боже упаси, никакого стукачества и наушничества: для этого пан Загурский был слишком офицером и шляхтичем! Его интересовали не враги – для «врагов» в Комитете есть специальные службы, – его интересовали друзья, потенциально перспективные молодые люди, которые могли бы, на его взгляд, интересно и неординарно работать во имя тех идеалов, которыми увлекли в далекие двадцатые годы молодого поручика польской армии коминтерновско-энкаведэшные агенты. Докладные записки старого чекиста воспринимались «товарищами» с внешним уважением, но по сути его писания встречались с сарказмом и с трудом скрываемыми издевками: совсем, мол, старый выжил из ума! Выжил не выжил, но так получалось, что иногда труды и заботы Иосифа Казимировича очень даже оказывались востребованными.

Лето этого года выдалось у Георгия напряженным. Сначала были экзамены в школе на аттестат зрелости, через месяц

– вступительные экзамены в вуз. Сдал он их, надо сказать, без особого напряжения, а что касается пединститута, так уже с момента подачи документов он почувствовал ситуацию «наибольшего благоприятствования». Еще бы! Филфак – сугубо женская обитель, и каждого абитуриента в штанах готовы были пестовать, лелеять и чуть ли не на руках носить.

Оленька в середине июля укатила в Москву. Расстались они необыкновенно трогательно и любовно. Ну не то чтобы строились какие-то совместные будущие планы – до это дело еще не доходило, – но само собой подразумевалось, что к сентябрю Оленька вернется, они вновь встретятся, а там... Видно будет.

После зачисления в институт три-четыре недели необходимо было отрабатывать неизбежную сельскохозяйственную повинность, причем для «салажат» была выбрана самая поганая форма: их не отправили куда-то в колхоз с постоянным проживанием, а дергали каждый день из дома на различные овощные базы. Местные работяги откровенно сачковали и развлекались, беспрерывно киряя и подначивая: «Ну давай-давай, интеллигенция!»

Потихоньку начали съезжаться, чтобы буквально через несколько дней укатить обратно – сельхозобязанность существовала везде, – друзья-музыканты. Практически всем удалось поступить в различные консерватории страны. Георгий, конечно, был очень рад за приятелей, но где-то немножечко и «заело». Поступить в консерваторию – любую, не говоря

уже о московской или ленинградской, считалось очень трудным и престижным.

Выходит, его друзья умели не только расписывать «пулю» и по-гусарски глушить «Розовое крепкое», но были и неплохими специалистами в своих профессиях. На их фоне поступление Георгия в местный педвуз было чем-то достаточно бледным и ординарным, а возможно, даже и явным проявлением собственной недостаточной состоятельности.

Об Оленьке ничего не было слышно. В середине сентября Георгий решился набрать столь знакомый и любимый номер.

– Георгий? Очень хорошо вас помню. Чрезвычайно рад вас слышать. – Иосиф Казимирович, как всегда, был изысканно вежлив и доброжелателен. – Оленька? Нет. Она вообще больше не приедет. Она разве вам ничего не говорила? Странно. Она, знаете ли, вообще скоро выходит замуж... Вы запишите ее московский телефон. Будете в столице – позвоните. Она будет рада.

Нет, у Георгия не потемнело в глазах, он не начал заламывать руки и помышлять о самоубийстве. Но какое-то гадливенькое ощущение, что об него вытерли ноги, переступили и пошли дальше, возникло. Возникло! И с этим ничего нельзя было поделать.

Что же: «До свидания, Оля!»

А возможно, даже еще шире: «До свидания, взбалмошные, неуравновешенные, перенасыщенные игрой гормонов и эмоций школьные годы! До свидания, детство!»

Глава шестая

В большом кабинете заместителя генерального прокурора России шло экстренное совещание. Хозяин кабинета, Константин Дмитриевич Меркулов, он же Костя, нервно расхаживал из угла в угол. За большим столом для заседаний сидел Славка Грязнов, он же Вячеслав Иванович, генерал и заместитель директора Департамента уголовного розыска, и хмурился.

Опоздавший Турецкий приземлился на мягчайший кожаный диван, принял максимально расслабленную позу и закрыл глаза.

– Тебе что-нибудь говорит имя Хельмут Цилк? – начал Меркулов.

– Костя иногда любит заходить издалека, – буркнул Грязнов.

– Не припоминаю, – томно ответил Турецкий. – Полагаю, что какой-то немец.

– Точнее, австриец, – поправил его Вячеслав. – Или австрияк, если тебе так больше нравится.

– Бывший бургомистр города Вены, – пояснил Меркулов. – Лишился руки, вскрывая письмо с вмонтированной в него бомбой.

– А-а! – Турецкий щелкнул пальцами. – Ну конечно, помню. Это было примерно... лет десять назад, да?

– Там была целая серия таких взрывов, – внес свою лепту в разговор Вячеслав Иванович. – Нагнали страху на всю Европу, просто паника какая-то началась. Государственные чиновники даже письма от любовниц боялись вскрывать.

– А потом нашли какого-то фанатика, – подхватил Турецкий, – и судили.

– Франц Фукс, – уточнил Костя. – А еще подобные случаи были в Германии, Америке...

– Не хочешь ли ты сказать... – приоткрыл глаза Александр Борисович, давно догадавшийся, что старинный друг Костя Меркулов затеял данный историко-образовательный экскурс не ради того, чтоб просветить лично его, Турецкого...

– Именно! – рявкнул старинный друг. – Теперь – у нас.

– Поздравляю, – лаконично реагировал Турецкий, вновь закрывая глаза. – И кто же мишень?

– ФСБ, – так же лаконично ответил Меркулов.

Турецкий открыл глаза очень широко и больше их уже не закрывал.

– Всего известно на сегодняшний день о трех конвертах. Два из них пришли непосредственно на Лубянку; один задержали в приемной генерала Пантелеева как подозрительный, позже его обезвредили саперы. Второй по ошибке вскрыла сотрудница секретариата...

– Изольда Романовна Богатырева, – вставил Слава Грязнов, заглянув в блокнот, а Костя продолжал:

– Получила серьезные ранения, и, в частности, сейчас вра-

чи пытаются сохранить ей зрение. И наконец...

– Я так и чувствовал, что главное ты приберег на финал!

– Да. Убит генерал-лейтенант ФСБ Смирнов. Супруга, Елена Станиславовна, получила легкие травмы. Тяжело ранен охранник их дома на Фрунзенской набережной.

Турецкий присвистнул.

– Недурно. Минуточку, так, значит, письмо пришло на домашний адрес? Генерала ФСБ? Это интересно...

– Если точнее, это был пакет. Кто-то оставил его внизу у охранника, попросив передать генералу. Видимо, курьер не вызвал подозрений. Смирнов с женой спустились буквально через несколько минут, потому пакет он вскрыл за стойкой портье.

– Охранник, – Грязнов снова заглянул в блокнот, – Плоткин Иван Ильич, восемьдесят первого года рождения. В настоящее время находится в реанимации, без сознания. Для допроса непригоден.

– Хорошенькое дело, – вымолвил Турецкий. – А что в связи со всем этим думают господа федералы? Они что, не проводят собственное расследование?

– Проводят, конечно, будь спокоен, Саша. Но втихушку. Официально этим занимаемся мы.

– Как они вообще допустили к этому делу прокуратуру?

– Если бы не взрыв в жилом доме да если бы не пострадавший гражданский, то есть охранник, не допустили бы ни за что, трупами бы легли, можешь быть уверен. Так бы и оста-

лось это в их лубяньских стенах. А теперь...

– Представляю, как они недовольны!

– Просто в бешенстве. Так что помощи от них ждать не приходится, скорее наоборот.

– Так, может, пусть сами и разбираются со своими партизанами-бомбометателями?

– Ничего подобного! Там, – Меркулов поднял глаза и для убедительности показал пальцем на идеально белый потолок своего кабинета, – решили задействовать прокуратуру и МВД, то есть нас с вами. Так что придется тебе, Саша, общаться с товарищами с Лубянки. Кто знает, может быть, объединим дела о взрывах в одно производство... Но конкретное дело на контроле лично у генерального. Он просил подключить самых надежных людей.

– ...И ты просишь меня порекомендовать тебе кого-нибудь потолковее, – улыбнулся Турецкий, причем Грязнов иронически хмыкнул.

– Не валяй дурака, Саша! Размечтался. Генеральный имел в виду лично тебя. Однозначно.

– Да я, знаешь ли, Костя, как-то уже догадался, – вздохнул Александр Борисович.

– Итак, решено следующее: образовать следственно-оперативную группу под руководством Турецкого А Бэ. Дело называется «Конверты смерти». В группу входит генерал Грязнов Вэ И. Что касается оперов... – Меркулов вопросительно посмотрел на Славу.

– Задействуем столько народу, сколько будет нужно, и притом самых лучших.

– Свою, Саша, команду формируешь сам. Поремского, наверное, возьми. Ну да ты сам все знаешь. Есть какие-нибудь соображения?

Турецкий откашлялся:

– Срочно объявить общую тревогу по всем правительственным учреждениям.

– Уже сделано. Ни один подозрительный конверт не будет вскрыт без специальной проверки. Еще вопросы?

– Когда от нас ждут, – Турецкий опять выразительно поглядел вверх на штукатурку, – результатов?

– Вчера! – отрезал Меркулов. Потом кашлянул, помассировал пальцами глаза и добавил: – Ну вот, собственно, пока и все.

Глава седьмая

– Здравствуйте, Георгий Федорович! Я очень рад, что вы нашли время встретиться со мной. Меня, кстати, зовут... э... Юрий Сергеевич.

Подобное вступление предполагало вежливую и сдержанную реакцию, умело продемонстрированную Георгием, хотя внутренне он зашелся от смеха: только самый нелюбопытный, ненаблюдательный и ничем дальше собственного носа не интересующийся студент не знал, кто такой на самом деле этот плюгавенький, с прилизанными волосиками и с навечно, казалось, приклеившейся к его левой руке здоровенной рыжей папкой человек, практически ежедневно снующий по институтским коридорам между партбюро, приемной ректора и малоприметной дверью со скромной табличкой: «Отдел кадров». Родина должна знать своих героев, студенты должны знать своего гэбэшного куратора.

«Хотел бы я, мил-человек, – как там тебя, Юрий Сергеевич, что ли? – видеть того, кто не захотел бы с тобой встретиться!» – это «про себя», разумеется, а вслух:

– Здравствуйте, Юрий Сергеевич, я вас слушаю.

– Георгий Федорович, я, к сожалению, не смог присутствовать на вашем последнем комсомольском собрании, но с большим интересом ознакомился с протоколом, и у меня возникли определенные соображения.

«Ага. Вот теперь понятно, откуда ветер дует. Что ж, следовало ожидать».

Последнее комсомольское собрание, главной темой которого было «Осуждение антисоветской вылазки обучающихся в Волгограде иностранных студентов», действительно отличалось скандальным оттенком, и главную роль в этом сыграло сомнительное в политическом отношении выступление члена бюро ВЛКСМ института, молодого кандидата в члены партии Георгия Жаворонкова. Изначальной причиной конфликта послужила планировавшаяся к 25-летию завершения Сталинградской битвы совместная акция советских студентов и их немногочисленных в Волгограде иностранных сверстников: кубинцев, болгар, немцев из ГДР – возложение венков к могилам погибших советских воинов. Ну мнению и настроениями «своих»: нравится – не нравится, хотят – не хотят – никто, естественно, вообще не интересовался, со стороны кубинцев и болгар никаких возражений не было, их волновало лишь одно: побыстрее сбегать с рук тяжелые и холодные венки и укрыться от жгучего февральского ветра в теплой общаге, а вот молодые немцы неожиданно проявили организованную и сплоченную строптивость, категорически отказавшись принимать участие в намеченном мероприятии. Разумеется, потребовалось решительное осуждение прогрессивным советским студенчеством «провокационной реваншистской выходки», спровоцированной «продажной буржуазной пропагандой». По вузам города че-

редой пошли комсомольские и партийные собрания с соответствующей тематикой. Отсидев больше часа на подобном собрании и вдоволь наслушавшись заранее заготовленных «гневных отповедей», Георгий вдруг почувствовал, что бесконечные тупые заклинания, типа: «мы – им, а они...», «пусть катятся в свою ФРГ, вот там узнают...» и тому подобные кликушества начинают его необыкновенно раздражать. Нет, по сути он, конечно, согласился с тем, что демонстрация немецких ребят была дерзкой и совершенно неприемлемой. Но нельзя же было не признать и очевидных ошибок советской стороны, понадеявшейся на привычный и, как правило, безотказный нажимно-приказной стиль руководства. Вышло грубо, примитивно, а возможно, даже цинично-издевательски. Если для кубинцев пролитая четверть века назад на этой земле кровь – хоть с той, хоть с другой стороны – ни о чем не говорила, то негативную реакцию молодых граждан «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» нетрудно было и предвидеть. Ведь вполне вероятно, что у многих из них в волгоградской земле – не в достойных уважения братских могилах, а в безымянных, давно уже заваленных и скрытых за ненужностью рвах и ямах – покоились какие-то близкие им люди; да, когда-то пришедшие сюда как враги, да, закономерно унавожившие собой глинистую приволжскую почву, но люди – со своими судьбами, со своими исковерканными и безвременно оборвавшимися жизнями, со своими историческими и родственными корнями. И

советская пропагандистская машина, начисто не желавшая считаться с этими очевидными фактами, закономерно получила заслуженный удар по морде. С немцами, восточными немцами, – разумеется, бывшими врагами, а ныне лучшими друзьями из друзей, осыпаящими Волгоград бесконечными подарками, начиная от поминавшихся уже трамваев и до замечательного волгоградского планетария, – нужно было все-таки работать по-особому, не так, как со всеми остальными. Политические декларации и правительственные подношения – одно, а люди, с их вопросами, проблемами и эмоциями, – совершенно другое.

Примерно в подобном плане и выступил Георгий на том приснопамятном собрании. И тут началось! С подачи немедленно выскочившей после него на трибуну заведующей кафедрой марксизма-ленинизма, классического институтского «синего чулка» кондово-большевистской закалки Лидии Спиридоновны Харкалиной, на Георгия обрушились все мыслимые и немыслимые обвинения: тут были и «интеллигентская мягкотелость», и «нечеткое понимание современной политической обстановки», и «хочется надеяться, что непредумышленное, но тем не менее легкомысленно-попустительское отношение к набирающим силу неофашистским тенденциям». Георгия разгромили и заклеямили. В кулуарах начали курсировать слухи о намечающемся «персональном деле». Итоги подобной «разборки» были очевидны заранее: лишение не только карточки кандидата в члены КПСС, но и

самого комсомольского билета и, как следствие, невозможность «чуждому элементу» продолжать дальнейшее обучение в советском вузе. Ситуация возникла очень напряженная. Встреча – с как там его, Юрием Сергеевичем? – была ее закономерным развитием.

– Да, Георгий Федорович, я внимательно ознакомился с протоколами, и, вы знаете, мне понравилось ваше выступление.

Вот те на! Удар ниже пояса.

В активную «общественную жизнь» Георгий окунулся буквально с первых же дней пребывания в институте. Проще всего было оценить это как какой-то дальний карьеристский прицел, но это было не совсем так. Георгий искренне уверовал в «возрождающиеся ленинские принципы», в безграничную заботу партии и правительства о нуждах простых советских трудящихся; импозантность и величавость нового генсека, не впавшего еще в «побрякушечный» маразм, производили впечатление внушительной и значительной степени, соответствующей высокому посту руководителя могущественного государства. Лояльность и деятельная позиция первокурсника-филфаковца была не только замечена, но и по достоинству оценена. Через два-три месяца Георгий уже являлся членом бюро ВЛКСМ всего института, через год с небольшим сам завкафедрой счел возможным рекомендовать молодого коллегу в ряды КПСС. Грядущее восхождение по комсомольско-партийной линии начало вырисовываться

реально и осязаемо. И вдруг такой неожиданный срыв!

– Мне и моим товарищам импонирует ваше равнодушие, ваша откровенность, ваше искреннее – а лично я убежден в вашей искренности и порядочности – желание улучшить и усовершенствовать нашу работу. Но, как человек со значительно большим жизненным опытом, должен заметить: место и время для своих критических замечаний вы выбрали, уж извините, крайне неудачно. Вот посмотрите, в протоколе зафиксировано: «...выступление товарища Жаворонкова сопровождалось смешками и язвительными репликами некоторых студентов». Да нет, не думайте, ради бога, что мы всерьез относимся к этим детским хихонькам-хахонькам! Молодежь у нас замечательная! Ну а если кто-то где-то и ухмыльнулся, так сказать, «не в струю» – что из того? Юношество склонно к фрондированию, так всегда было и, вероятно, всегда будет. Мы на подобные вещи реагируем совершенно спокойно: пройдет время – все уляжется, перемелется. Но и провоцировать людей на какие-то несознательные выпады мы – коммунисты – не имеем никакого права. Вам, прежде чем подниматься на трибуну, надо было посоветоваться с товарищами, в комитете комсомола, в партбюро, прийти к нам, в конце концов. Необходимо было выработать какую-то совместную позицию, и тогда ваше выступление могло бы прозвучать значительно сильнее и убедительнее.

Давно отключившись от внимательного вслушивания в

казуистическое словоблудие «Юрия Сергеевича», Георгий с каждой минутой все более и более утверждался в главном выводе: пронесло! Репрессивных акций не будет, все ограничится абстрактными нравоучениями и «товарищеским» поприщанием. Что называется, отлегло!

Да и сам «Юрий Сергеевич», завершив лекционно-наставительную часть своей беседы, казалось, перевел дух со значительным облегчением.

А дальше пошел разговор, что называется, «за жизнь». Как Георгий представляет себе свое будущее, действительно ли он имеет склонность к педагогической деятельности или это просто случайный и не очень обдуманый выбор будущей профессии, не заинтересован ли он попробовать себя на каком-то другом, возможно, и не очень близком к педагогике поприще...

«Господи, да уж не вербует ли он меня?»

Нет, майор КГБ Андрей Васильевич Завалишин не стремился пополнить Георгием Жаворонковым легион своих стукачей и осведомителей. Их было столько, что «Юрий Сергеевич» протер не одну пару казенных и штатских штанов, изучая и анализируя бесконечное литературное творчество своих «авторов». В студенте Жаворонкове он увидел родственную душу, своего потенциального коллегу, добросовестного и исполнительного кабинетного работника все сильного Комитета. А в том, что именно в них, малоприметных рядовых сотрудниках, а вовсе не в таинственных неле-

галах, блистательных супершпионах, хладнокровных и бесчувственных убийцах-ликвидаторах сосредоточено все истинное могущество и всевластность советской опричнины, «Юрий Сергеевич» был убежден свято и непоколебимо.

– Жора, наша встреча была вызвана обстоятельствами чрезвычайными. Но я рад, что она состоялась, я считаю, что наша беседа была и интересной и содержательной. Надеюсь, что и дальнейшее наше общение будет не менее продуктивным. Скажу тебе честно: мы заинтересованы в твоей судьбе, мы считаем, что у тебя есть все необходимые данные, чтобы стать настоящей полноценной личностью будущего коммунистического общества. Но уж и ты нас, пожалуйста, не разочаровывай. Чтобы больше не приходилось расследовать какие-то твои необдуманные высказывания, демонстративные выступления... Это, знаешь ли, один раз может сойти с рук, ну другой... Но в будущем весьма и весьма чревато... И, разумеется, без всяких там детских глупостей, типа цветочка в лоб генсеку и распития спиртных напитков по крышам!

А вот это уже был удар не только ниже пояса, но нечто весьма похожее на хороший нокаут! Да что же это такое? Да неужели же они действительно в своем Комитете все про всех знают?! Как? Что? Откуда?! Из воздуха, что ли?

История с цветочком Генеральному секретарю произошла где-то в сентябре – октябре восьмого класса. Любимый Никита Сергеевич внимательно и мудро взирал на подрастающее поколение с официозного портрета, укоренившегося

под самым потолком над классной доской. Когда и как произошло, что во лбу Генерального появилась аккуратненькая маленькая дырочка, одному Богу известно. То ли случайная «травма» во время летнего ремонта, а может, и специально кто из работяг ткнул «верного ленинца» в лоб шилом или еще чем-то остреньким, чтобы, так сказать, излишне не зарывался... Тайна, покрытая мраком. Во всяком случае, о том, чтобы «залечить» незначительное увечье «главного коммуниста планеты», никто не позаботился. Так бы и висел себе «продырявленный» Никита Сергеевич, если бы не замечательная погода в то теплое и солнечное осеннее утро. В это утро Георгий явился в класс одним из первых. Черт его знает, какая такая шлея под хвост неудержимо подстегнула его. Вообще-то хулиганистые эскапады были ему совсем не свойственны. Возможно, как-то по-особому завораживающе подействовало на него обаяние последних деньков уходящего «бабьего лета», возможно, сработали еще какие-то подсознательные мотивы, но только он, неожиданно даже для самого себя, почему-то подтащил к доске учительский стол, выхватил из вазочки гвоздику и, вытянувшись во весь рост, воткнул ее в художественное изображение руководящего лучшей половиной человечества лба. Парни – их было в тот момент в классе всего лишь двое-трое – заржали. Ржачкой встречал новую «звезду героя» Генерального и каждый из одноклассников. Учителя на протяжении первых уроков недоумевали: с классом – вполне вроде бы благопо-

лучным – что-то сегодня произошло, но что? Наконец кто-то из них ухватил боковым зрением «алую гвоздику». И началось!..

Следствие велось по всем правилам жанра: с очными ставками, перекрестными допросами, с размахиванием «кнутом» и с приторным подслащением «пряника». Класс держался, как единый партизанский организм на пытке. Но вне зависимости от результатов «допросов» «наверху» – а самым верхним верхом в этом деле были дирекция и парторганизация школы, которые пуще смерти боялись, что происшествие получит широкую огласку и тогда уже им придется отчитываться на таком «верху», что собственных голов не сносить, – хоть и бездоказательно, но начали делать определенные выводы. Всегда и во все времена в любом школьном коллективе существовал свой шут, паяц, клоун, тот, кто своими язвительными или дурацкими репликами вызывал взрывы смеха в классе, нарушал «нормальное течение учебного процесса», раздражал всех учителей – особенно самых скучных, занудных и ненаходчивых – как самим своим присутствием, так и непредсказуемостью неожиданных выходок и выкрутасов. В классе Георгия таким вечным нарушителем спокойствия был Костик Шлыков. И если старые педагогические «зубры» еще осмеливались вступать с Костилом в острые перепалки – ну в крайнем случае «доведем до ручки» – всегда можно выгнать с урока, – то молодые учительки просто-таки уливались от Котика слезами. Именно Ко-

тяра и был избран доморощенными следователями на роль «козла отпущения», тем более что выходка с цветочком была вполне даже в его духе. Георгий мучительно переживал создавшуюся ситуацию. Котик – а он был среди тех двух-трех одноклассников, которые присутствовали при процедуре посвящения Никиты Сергеевича в ранг «рыцаря гвоздики», – его не выдает, сознательно обрекая себя на все мыслимые и немыслимые кары, вплоть до пожизненного «волчьего» билета, а он, Георгий... Выходит, что он своим молчанием вроде как бы «закладывает» товарища? Нарастающее напряжение, моральные терзания разрешились очень просто: пленум ЦК КПСС, «волюнтаристская политика», «тенденции к установлению собственного культа личности»... Пора на пенсию, бывший дорогой Никита Сергеевич! «Цветочное дело», естественно, закрылось. Дырявый портрет отправился на склад – а скорее всего, и вообще на помойку, – а на освободившемся ржавом штырьке уютно обустроился будущий главный полководец Великой Отечественной войны полковник Брежнев.

Так, с «цветочком» более-менее что-то понятно. Об источнике «утечки информации» ничего не известно, но сама по себе утечка вполне возможна, учитывая, сколь много людей было в курсе инцидента. А вот «крыша»... Она с цветочной эпопеей никак не состыковывалась.

Устройство «летнего бара» на крышах было изобретением друзей-музыкантов; определенно общение с этими остроум-

ными, раскованными и безусловно незаурядными парнями было одним из лучших периодов в жизни.

В весенне-летние месяцы вся волгоградская молодежь «ходила» по местному бродвею, короткому отрезку Аллеи Героев от проспекта Ленина до тех самых интернациональных селянок, возле которых Георгий когда-то получил солнечный удар. Ну, разумеется, прежде чем достойно и с настроением «ходить», надо было несколько «подзаправиться», а иначе было скучно и неинтересно. В Центральном гастрономе закупалось определенное количество спиртного, весьма умеренное, впрочем; если позволяли финансы – устраивался роскошный пир с портвейном «Агдам», нет – так любое пойло подешевле сходило, там же закупались бутерброды, да не какие-нибудь старые и лежалые, а нарезанный заботливой тетенькой тут же, при тебе, свежачок.

Дальше – проще простого. В каких именно подъездах в дверях на крышу были выломаны замки – знали наизусть. Прихватив в ближайшем автомате пару стаканов – Георгий считался педантом и аккуратистом, он всегда настаивал на неукоснительном возврате после пиршества использованного имущества на место: «Мужики, нехорошо, ведь и еще кому-нибудь может понадобиться, а их уже и в помине нет!» – на лифте возносились на последний этаж, пробирались на крышу, раскладывали на плоском парапете вожделенную выпивку и закуску – и вот уже можно было если и не с уровня птичьего полета, то хотя бы с высоты неоновой призы-

ва «Летайте самолетами Аэрофлота» любоваться великолепной, сияющей огнями панорамой города. Чем тебе не вид на Босфор? Но кто же мог... Стоп! А вот Котик-то и мог! Он – единственный из всех одноклассников, кого как-то случайно – так получилось – прихватил с собой Георгий на одну из крышных пирушек. Выходит, что Котик, именно Котик, разыгрывая из себя несчастного, обиженного, терроризируемого, почти уничтоженного, в то же самое время просто-напросто «стучал».

Так Георгий Жаворонков провел свое первое профессиональное аналитическое расследование. Сколько их было в дальнейшем – никакому учету не подлежит. Выводы? А какие выводы? Кому это интересно через столько-то лет? Одноклассники разбрелись кто куда, друзья-музыканты совершенствуют свое мастерство в ближних и дальних консерваториях, Котик, насколько известно, тянет армейскую лямку где-то на Дальнем Востоке, а Георгий... А Георгию все чаще и чаще случалось общаться со своим «духовным наставником», с «Юрием Сергеевичем», неизменно вежливым, внимательным и вроде как не очень навязчивым.

На второй-третьей встрече Георгий был удостоен «высокой» чести – вероятно, это являлось одним из этапов постепенного окончательного приобщения к «своим» – «Юрий Сергеевич» счел возможным раскрыть Георгию свой «псевдоним» (впрочем, учитывая специфику его деятельности, интеллигентский литературно-театральный эвфемизм

«псевдоним» вряд ли был уместен; правильное было бы использовать определение «конспиративная кличка», а то и того проще – «кликуха»). Но как бы там ни было, теперь Георгий знал, что его идейного наставника по-настоящему (если, конечно, это действительно было «по-настоящему») зовут товарищ майор Андрей Васильевич Завалишин.

Вспоминая задним числом и с высоты уже своего собственного огромного опыта службы в рядах ордена коммунистических «рыцарей без страха и упрека» ту кропотливую и дотошную работу, которую проводил с ним майор Завалишин, генерал Жаворонков не мог не отдать должного специфическому, можно сказать, интеллигентному вербовочно-мастерству майора. Традиционные приемы предполагали «захват» на чем-то «жареном», скручивание по рукам и ногам с перспективой «отключения кислорода» на всю оставшуюся жизнь. Кое-какие «жареные» или хотя бы «полужареные» факты Георгий своему майору конечно же подкидывал. И все-таки встречи с Завалишиным – не слишком частые, раз в месяц-полтора – скорее напоминали дружеские посиделки. Кстати, в «святая святых» – местную «Лубянку» – майор Георгия никогда не вызывал. Их встречи происходили либо в институтском комитете комсомола, либо в 417-м номере гостиницы «Интурист», своеобразном для гостиницы номере, в котором отсутствовал главный атрибут гостиничной мебелировки – кровать. (Первый визит в гостиницу ознаменовался столкновением с величественным, про-

сто-таки маршальского вида швейцаром: «Куд-да?! У нас только для иностранцев!» Но, услышав цифру 417, блистательный страж высоченных, добротного дерева дверей «сугубо для иностранцев» только что не собственным языком вылизал Георгию дорогу к лифту.) Неоднократно Георгий заполнял какие-то анкеты, уточнял и переписывал собственную биографию, давал какие-то не совсем понятного содержания подписки... Но большая часть времени уходила просто на разговоры: о том о сем, вроде бы ни о чем конкретном, более всего – о самом Георгии, о его семье, вскользь – о настроениях в студенческой среде, но без малейшего намека на то, что о каких-то услышанных «сомнительных» высказываниях и репликах необходимо докладывать товарищу майору. И вдруг в один прекрасный день вместо доброжелательной и всепонимающей улыбки старшего товарища Георгия встретил холодный колючий взгляд немигающих глаз.

– Проходите, Георгий Федорович, садитесь. – Георгий Федорович? После стольких месяцев Жоры и Жорочки? – Садитесь и рассказывайте.

– О чем рассказывать, Андрей Васильевич?

– Георгий Федорович, мы ведь тут не в игрушки играем. А если вы вдруг что-то недопонимаете, позволю себе напомнить: вы беседуете с сотрудником Комитета государственной безопасности СССР, кстати, вам прекрасно известно мое воинское звание.

– Извините, товарищ майор. – Немигающий взгляд и твер-

дая жесткая настойчивость Завалишина давили, гипнотизировали; вероятно, именно так человек чувствует себя в упругих, пружинистых и безжалостных объятиях какой-нибудь анаконды. – Но я, честное слово...

– Это ваша анкета, товарищ Жаворонков? Заполнена вашей рукой и заверена вашей подписью?

Завалишин ловко, с полупереворотом метнул по полированной поверхности стола несколько скрепленных листков. Красной «птичкой» был помечен пункт: «Были ли ваши родственники в плену, на временно оккупированных территориях, на принудительных работах в Германии?» Решительное георгиевское «нет» было обведено тем же красным карандашом.

– Андр... Товарищ майор, но мои родители...

– Биографии ваших родителей, Георгий Федорович, достойны восхищения. Это биографии настоящих советских патриотов. Нас радует и то, что ваш младший брат, достаточно уже покуролесивший, несмотря на свой юный возраст, наконец-то, кажется, взялся за ум. – Лешка за последний год действительно как-то очень посерьезнел, повзрослел и настойчиво обивал пороги военкомата, добиваясь направления в одно из училищ бронетанковых войск. – Но почему же в этом очень важном пункте вы не сочли необходимым сообщить правду, а именно что ваш родной дядя, Семен Александрович Жаворонков, был взят в плен под Харьковом, более двух лет провел в различных лагерях военнопленных, бе-

жал, участвовал в итальянском сопротивлении, а после войны категорически отказался вернуться на родину?

Заранее продуманная и выверенная тирада «товарища майора», произнесенная сдержанным, внушительным, «государственным» тоном, произвела тот самый эффект, на который она и была рассчитана: испуг, растерянность, смятение собеседника. Как хладнокровный и бесчувственный энтомолог, наблюдающий за последними трепыханиями крыльшек насаженной на булавку бабочки, майор Завалишин с удовольствием вглядывался в пошедшее красными пятнами лицо Жаворонкова. Пусть эта победа была слишком мизерной – подумаешь, сопляк-студент! – но это была победа, это было ощущение схваченной «за живое» человеческой судьбы, властное и безграничное распоряжение чужой жизнью; это грело, радовало, будоражило кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.